

СВЕТЛАНА ЧЕХОНАДСКАЯ

ПЕЙЗАЖ С УБИЙЦЕЙ

Светлана Чехонадская

Пейзаж с убийцей

«Автор»

2026

Чехонадская С. А.

Пейзаж с убийцей / С. А. Чехонадская — «Автор», 2026

1992 год. Поезд вышел из Новосибирска. Проезжая небольшую деревеньку, он внезапно остановился, и стоявшая у окна девушка увидела в просвете между деревьями сцену убийства. С тех пор прошло одиннадцать лет. Но эта сцена до сих пор стоит перед глазами Елены, обеспеченной и независимой сотрудницы телестудии. И когда служебные дела приводят ее в Новосибирск, она не удерживается от соблазна посетить деревеньку и попытаться реконструировать прошлое. Если бы Елена знала, к чему приведет ее любопытство...

© Чехонадская С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Розовый пакет	5
Глава 2. Ухо-горло-нос Покровская	11
Глава 3. Про Фому и про Ерему	15
Глава 4. Ограбление накануне выборов	19
Глава 5. Юля Ворошилова из Омска	24
Глава 6. Тимур и его команда	28
Глава 7. Адвокат дьявола	34
Глава 8. В отсутствие памятника	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Светлана Чехонадская

Пейзаж с убийцей

Глава 1. Розовый пакет

Елена приехала со съемок перед обедом. Задание было пустяковым – несколько планов и интервью, каждое слово в котором было известно заранее...

Пока ехали по городу, надолго застревая в пробках, она набросала закадровый текст и хмуро помахала рукой перед лицом. В телекомпании все, кроме нее, курили. Платили у них немного, поэтому курили дешевое. Она ненавидела эти поездки в тесной «Шкоде»: дым успевал пропитать одежду, сумку, волосы. Кажется, и внутренности становились прокопченными.

- Сколько можно! – наконец, не выдержала она. – Дышать нечем!

- Все-все, – оператор выбросил бычок в окно.

Он наклонился к Елене и радостно выдохнул. – Хочу купить пластырь от курения. Помогает? Как думаешь?

Изо рта у него несло перегаром.

- Лучше кури. – попросила Елена.

Шофер-азербайджанец тихо сказал что-то на своем языке...

Наконец, приехали. Не дожидаясь оператора, нагруженного аппаратурой, она выскочила из машины. Не забыла оглянуть себя в стекле: отражение понравилось. «Минут за тридцать управлюсь, – подумала она. – Еще час дня, а я уже отработала. Молодец».

В редакции тихо догорал скандал. Новенькая, кажется, ее звали Юлей, сидела вся красная, взъерошенная. Над ней нависал главный, делая вид, что казнь состоится с минуты на минуту. Глаза у него, впрочем, были веселые. Вся служба новостей расположилась полукругом, как в зрительном зале. Никто не хотел пропустить представление.

- Что? – шепотом спросила Елена, пробираясь к своему столу, и подумала, что похожа на опоздавшего зрителя, который ищет нужное место в темноте. Ведущая новостей отмахнулась: мол, ерунда.

- И он прав! – крикнул главный. – Ты могла показать его жену под видом проститутки! Или его самого под видом маньяка. А почему нет?!

- Ей сказали сделать про беспризорников, – прошептала Елене ведущая новостей. - Она наснимала первых попавшихся засранцев. Как они сидят на перилах и ни хрена не делают. А один мужик узнал в них своих сыновей. Прибежал сюда, развопился: «Они отличники, в кружки ходят! Я в суд подам!» Ну, все как обычно.

Это, действительно, было обычно. Сюжет требуют сделать быстро, а беспризорники – они ведь только, когда не надо, на глаза лезут. Когда надо – попробуй их найди.

Елена как-то пыталась снять несколько планов про несанкционированную торговлю. Так, верите ли, ни одной бабки в переходах не нашла. Она объехала с оператором на метро всю Калужскую линию - никто не торговал ни яблоками, ни петрушкой, ни поддельными французскими духами. Пришлось снимать продавщицу цветов, она подходила по фактуре: толстая, в платке, какая-то нелегальная на вид. Елена сказала ей, что снимает цветы для рекламы, та согласилась. Но опытная Елена указала оператору нужный ракурс – со спины, так, чтобы потом нельзя было придраться. Он еще снял руки с деньгами. Руки вышли хорошо: обветренные, грязные, тоже на вид криминальные.

«Скинь в архив, – сказал оператор. - Будем про наперсточников делать, пригодится».

- Я больше не бу-у-ду, - проныла Юля. – И потом, чего он врет: «отличники, на кружки ходят». Вы на них посмотрите – сидят, плюются. Если они отличники, они должны дома сидеть, уроки делать. Сам выпускает детей в таком виде!

Елена не выдержала - все так же пригибаясь, вышла из комнаты. Дошла до эфирной, вытащила из стопки кассету с новостями, отмотала на Юлин сюжет.

«Да, Юля, пожалуй, тупая, Митя прав», - подумала она, останавливая пленку. Митей звали главного, он как раз вчера с ней советовался насчет новенькой. «По-моему, тупая» – так он сказал. Теперь Елена видела: тупая. Мальчики были одеты прекрасно. Только дурак мог их принять за беспризорников.

Разбор полетов тем временем закончился. Все затихли у своих компьютеров. Некоторые из практикантов завистливо поглядывали на Елену, она строчила бесперебойно. Так же потом записывала закадровый текст – никогда не было, чтобы читала второй дубль.

- Я забыл сказать... - в их комнате снова появился главный. – Эта дурная мне голову заморочила своими беспризорниками. От нас требуют одного человека на заклание.

- Какое заклание? – спросила пожилая Валентина, специалист по сюжетам на тему культуры.

- В виде командировки.

- Это Семен! – хором сказали все старожилы. – Он любит командировки. Он там сильно пьет.

- И он у меня допьется! – шеф сделал суровое лицо. – Но вы, друзья, забыли. Он в Белоруссии, в городе-побратиме.

- Бедные белорусы!

Не отрываясь от экрана компьютера, Елена слушала эти разговоры вполуха. Они ее не касались. Она могла не ездить в командировки, если не хотела (а она никогда не хотела) – Митя был ее старинный приятель.

Елена печатала последний абзац сюжета. Выходило красиво. Она радостно подумала в тысячный раз, что не ошиблась с профессией: каждый сюжет – маленькое произведение. Его не напишешь, если нет вдохновения. И хотя оно всегда приходит, она каждый раз пугается, что сегодня не придет – и этот страх тоже приятен.

Вдруг она поняла, что Митя смотрит именно на нее.

- Что такое? – спросила она, не оборачиваясь. – Я забыла надеть брюки?

- Нет, ты в брюках. – ответил Митя.

- Но не в бигудях?

- Нет... Кстати, правильно говорить «бигуди». Это слово не склоняется.

- Я знаю, но мне так не нравится.

Она поставила точку и полюбовалась на страничку с текстом. Для этого она немного отстранилась от экрана. Елена выпендривалась перед Митей: он ценил ее тексты в сюжетах. Собственно, из-за этого, а не из-за многолетней дружбы, она была в его телекомпании на особом положении.

- Думаю, что в командировку поедешь ты. – твердо произнес Митя.

Его новая подруга – Ниночка, практикантка из МГУ – хихикнула при этих словах. Втайне она подозревала, что Митя и Елена бывшие любовники. Если главный Елену хвалил, Ниночка печалилась, если критиковал – ликующе смотрела, как новая фаворитка на вышедшую из милости маркизу Помпадур.

- Здрасьте! – сказала Елена. – А чего я-то? У нас молодых, что ли, мало?

- Знаешь, куда командировка?

- В Париж?

- В Новосибирск.

Народ обидно захохотал.

- В Новосибирск! – Елена вздохнула, глядя на текст: принтер зашумел, печатая страницу.
– И что я там забыла, Митя? Свой бронхит?

Он подошел ближе, взял еще теплую страницу с текстом, начал читать, завистливо хмыкнул уже на первом абзаце. Елена удовлетворенно наблюдала за его лицом, постепенно освобождаясь от уже не нужного вдохновения. «В Новосибирск», - бессмысленно повторила она и вдруг почувствовала, как дрожь холодным душем прошла по спине.

- Что ты имеешь в виду, Митя?

- Лежаев едет на неделю в Новосибирск. Хочет документальный фильм. Условия там прекрасные: гостиница, еда, все по первому разряду. Погода, я узнавал, хорошая. Да и работы немного. Фильм десять минут, можно наснимать за полдня. Даже без камеры.

- Командировка на неделю? – спросила она.

- Да.

- А что же делать оставшиеся шесть с половиной дней?

- Глупый вопрос! – сказал оператор Костя. – Пить!

- Я не пью.

Оператор развел руками: мол, это твои проблемы.

- Поезди по городу... По окрестностям... - Митя уклончиво посмотрел на нее. – По рукам? - в его кабинете зазвонил телефон, и он быстро вышел из комнаты.

- Я чувствую здесь какую-то тайну! – насмешливым басом произнесла редактор-алкоголик Ольга.

- А ты не знаешь эту историю? – спросила у нее Валентина. – Все же знают.

- А я вот не знаю!

- Она в ранней молодости проезжала на поезде мимо какой-то деревушки под Новосибирском и увидела, как убили человека. Причем, как-то очень странно. Да, Лена?

- Что значит «странно убили»? – спросила Ниночка.

- Медсестра скинула каталку с человеком в реку. – пояснила Валентина. - И не дала ему всплыть, пока он не захлебнулся. Лен, я правильно рассказываю?

- Медсестра – это действительно странно. – протянула Ольга. – А почему вы решили, что он захлебнулся?

- Ну, если человека держат под водой больше пяти минут, как ты думаешь, он захлебнется или нет? Он ведь человек, а не дельфин.

- А может, это был труп, - предположил Костя. – Медсестра выбросила в реку труп.

- Ты считаешь, это более логично? Медсестры обычно так и делают?

- Ну, не более логично, но, во всяком случае, менее криминально.

- Всегда боюсь в реках нырять, - поевшись, призналась Юля. – Мне все время кажется, что я увижу на дне утопленника. Вроде бы понимаю, что в море утопленников еще больше, но речная вода, она такая...

- Лена, чего ты молчишь? – возмутилась Валентина. – Я правильно рассказала?

- В общих чертах. – сказала Елена.

- Может, это был труп? – снова спросил Костя. – Или муляж. Знаешь, есть такие муляжи, с ними МЧС отрабатывает разные ситуации. Помнишь, мы снимали? Кукла такая здоровая была на учениях. Ее даже как-то звали...

- Федор. – сказала молчаливая Настя.

- Нет, это был не муляж, - неохотно произнесла Елена. – Он шевелил руками.

- Это мог быть муляж нового поколения, - не сдавался Костя. – Такой электронный.

- В деревне под Новосибирском? – с сомнением спросила алкоголик Ольга. Юля хихикнула.

- А что? Сейчас уже обычные куклы, которые продаются в «Детском мире», умеют ходить, писают. Почему бы МЧС не иметь электронный муляж для учений? Хотя бы и под Новосибирском?

- Нет, это был человек. – сказала Елена. – Он был привязан к каталке, во рту у него был кляп. По-моему, это был старый человек. И вся история выглядела чрезвычайно странно. Ведь это была деревня... А тут медсестра в белом халате, в четыре часа утра, каталка... Она движется не по направлению к улице, где, кстати, должна стоять, но не стоит машина «Скорой помощи», а к полуразвалившимся мосткам на берегу реки... И это место закрыто кустами, глухими стенами сараев, обрывистым берегом, железнодорожной насыпью, которая, в свою очередь, закрыта тополями... Происходящее видно только с одной-единственной точки: нескольких метров в просвете между деревьями. Вероятность увидеть то, что случилось, очень мала. Это если бы кто-то ехал на поезде и почему-то не спал в четыре часа утра, а стоял у крайнего окна одиннадцатого вагона, и поезд внезапно остановился в неполюженном месте и это крайнее окно совпало с просветом в тополях...

- Как произошло в твоём случае, - это был не вопрос, а утверждение алкоголика Ольги.

- Как и произошло в моём случае. – согласилась Елена.

- Ну, в общем, забавная история... Она тебя мучает?

- Можно и так сказать. Я бы, конечно, хотела знать, что там произошло. Раскрыли ли преступление, наказали ли преступника. Почему был выбран такой странный способ убийства. И за что убили, кстати.

- Все может иметь и какое-то другое объяснение. – сказала Юлия. – Я имею в виду что-то очень простое и совсем не криминальное.

- Медсестра помогала старику принимать утренние ванны? – предположил оператор Леша, до этого молчавший в своём углу. – Скажем, у него была подагра, и помогали только утренние ванны продолжительностью пять минут. – выдвинув свою версию, он заржал, довольный.

- Могли быть и особо извращенные сексуальные игры, - вкрадчиво сказала тихоня Настя и покраснела. Все засмеялись.

Елена тоже улыбнулась. Никто, кроме Мити, не знал, что разными вариантами этой истории забит целый ящик в её письменном столе. Он всегда горячился: «Ты талантливая! Пусти свою энергию в мирное русло! Остановись на одной версии, окончательной, последней, и освободись от этого. Пиши дальше».

- Юлька права. Объяснение, скорее всего, будет простым и смешным. – сказала Валентина.

- Пра-авда... - протянула Ниночка. - Вот у меня случай был однажды. Сажу на подоконнике, а у нас окна на Ленинский выходят, и вдруг вижу, по противоположной стороне улицы идут два парня. Один из них остановился, и вдруг бац! достает из ширинки член, расправляет его так неторопливо и дальше идет. А спутник его прямо писается от восторга.

Народ от неожиданности опешил. В службе новостей установилась гробовая тишина, которая секунду спустя разорвалась хохотом.

- Ну не ври, ради Бога!

- Ниночка, иди пообедай!

- Нет, вы слушайте, что дальше было! Этот идет, а член его во все стороны болтается. Здоровый такой, чуть не до колена!

- Ты, конечно, сразу на улицу побежала?

- Ой, не могу, уймите ее!

- Нет, ну я серьезно!

- Так ты догнала его, скажи? По переходу бежала?

- Прямо! Она так бежала, что машины останавливались в сантиметре от нее, визжа тормозами! Как в боевиках!

- Ой, не могу!

- Вы чего развеселились? – главный высунулся из кабинета, но тут же скрылся: у него на столе зазвенели сразу два телефона.

- Ну дайте досказать!

- Дайте ей досказать или убейте ее!

Постепенно веселье стало стихать.

- Я, конечно, глаза протерла, но нет: чешут по Ленинскому, член болтается, и никто в обморок не падает. Более того, им навстречу идет милиционер. Ну, думаю, сейчас все: этого придурка арестуют. Мент, действительно, остановил их, чего-то сказал, но без наручников, интеллигентно так... Парень член заправил и дальше пошел!

- И в чем мораль? – все еще улыбаясь, спросила алкоголик Ольга.

- В том, что я несколько лет мучилась...

- Отчего за ним не побежала?

- Хватит! Надоело! – Ниночка рассердилась. – Я не могла понять, что это было! Как это можно ходить в таком виде по Ленинскому проспекту, и почему милиция за это не арестовывает. Так прошло пять лет. Пять! И вдруг я встретила одну девчонку у нас на курсе, она живет напротив меня. Как-то разговорились, то да се, я ей и рассказала эту историю. А она говорит, секите: «Я эту сценку видела. Это было прямо под моими окнами, – вот совпадение, а! – Он не член достал из ширинки, а какой-то пакет из кармана, из дырки, наверное. Розовый такой пакет. Тебе издалека показалось, что это член. Ему мент замечание сделал, вот и все».

- Господи! Ну и проблемы у нынешней молодежи! – вздохнула Валентина. – Это чем у человека голова забита. Пять лет она думает, что там у кого болталось.

- Не что болталось, а почему не задержали! – высокомерно ответила Ниночка, не глядя в ее сторону. Мать-одиночку Валентину молодые недолюбливали.

- Забавно будет, если и твое наваждение окажется розовым пакетом, торчащим из дырки. – сказал Митя, выглядывая из кабинета. Оказывается, он внимательно слушал Ниночкину историю. – Ну что, Елена, билет берем? Между прочим, бизнес-класс. Лежаев-таки не чмо. Денег дает.

- Ну, если бизнес-класс, - сказала Елена. – То, конечно, глупо отказываться.

...Белая фигура в ее памяти легонько толкнула каталку, мостки запрыгали, задергался и привязанный человек с кляпом во рту. Его лицо было темным: настоящий деревенский житель с обветренным лбом и щеками.

За пару минут до этого, пока поезд еще двигался, она успела разглядеть единственную улицу поселка: парадную сторону тех дворов, что теперь еле виднелись за лопухами своими слепыми сараями.

Увидев сценку на берегу, она подумала: «На улице не было «Скорой помощи». Откуда в этой глуши взялась медсестра? Наверное, сиделка... Ишь ты, как они тут цивилизованно живут, в деревне...». Она тогда не была уверена, что человек привязан – скорее, туго спеленут простынями. И насчет кляпа первая мысль была такая: «Кислородная маска». Она даже искала глазами медицинский катер у берега, стараясь объяснить себе странную траекторию движения медсестры с каталкой. А когда мостки запрыгали под тяжестью двух тел, когда тележка с человеком весело нырнула в воду и немедленно ушла на дно, ей уже было не до смешных мыслей. «Я сплю» - повторяла она про себя, чувствуя, как тикает внутри нее время.

Затем она резко выдохнула. Оказывается, увидев падение человека в воду, она задержала дыхание – как бы из солидарности - и держала его под усиливающиеся удары крови в ушах. В глазах потемнело. Вода над упавшим человеком успокоилась. Поезд дико завизжал, словно наехал на поросенка. Пол под нею качнулся.

- А в бизнес-классе вино бесплатное? – спросил Костя.
  - Тебе-то что за дело? – Валентина достала пудреницу и внимательно изучила морщины у глаз. – Тебя не пошлют. У тебя руки трясутся. Я уж не говорю про постоянный расфокус.
  - Это у тебя в башке постоянный расфокус. – огрызнулся Костя, понимая, впрочем, что Валентина права: пошлют «правительственного» оператора Максима.
  - А Новосибирск – это на Урале? – вдруг поинтересовалась Юля.
  - Нет, Юля, в Крыму, - ответила алкоголик Ольга.
- Все снова засмеялись. Сегодня явно не работалось.

Глава 2. Ухо-горло-нос Покровская

За восемь рабочих часов на приеме побывало двадцать пять человек. Несмотря на то, что четверг – грудничковый день, пришлось принять всех. Главврач потом попеняла Нине, что она сама во всем виновата, слабохарактерная, вот «они» и пользуются.

- «Они» – это мамочки с больными детьми, - не глядя на главврача, сказала Нина. – Вы же понимаете, сейчас сентябрь, сплошные насморки. После лета идут в садики, школы. А там и отиты, и гаймориты... Ну как откажешь, если у ребенка ухо болит? У вас ухо болело когда-нибудь?

- Вот и не жалуйся, - ответила главврач, услышавшая только то, что хотела услышать. – Бережешь свое сердце, так не обижайся, что будет болеть руки и ноги...

С главврачом у Нины не заладилось с самого начала. Было очень обидно, что в хорошую, в общем-то, поликлинику с опытным и незлым коллективом, пришла эта блатная, про которую поговаривали, что диплом у нее купленный. Поверить в такое было трудно, но замечания новой начальницы иногда звучали так странно, что все больше старых сотрудников начинали верить в отсутствие у главврача высшего образования.

«Я сейчас ничему не удивляюсь, – сказала по этому поводу ортопед. – Трудовые книжки купленные, права поддельные, дипломы липовые! Вы знаете, что она любовница начальника комитета здравоохранения?»

«Насчет этого не знаю, - сказала Нина. – Но все-таки, это как-то... Конечно, бывают купленные дипломы, но не медицинские же?»

«А почему бы и не медицинские? Я вот сейчас на космонавтов по телевизору смотрю, и то не уверена, что они все честно прошли эти свои испытания. Кто-то из них наверняка по блату!»

Интересно, что главврач была неплохим руководителем. Она мгновенно замутила ремонт, получила дорогое оборудование, сдала несколько помещений гомеопатам и парапсихологам. Видно было, что баба опытная. Как опытная она также хорошо чувствовала, откуда исходит угроза ее власти. Нина сразу попала в черный список. Конечно, уволить ее было невозможно, но нервы мотать – запросто.

Правда, в сегодняшнем замечании главврача был смысл. Нина вздохнула. По программе обязательного медицинского страхования за каждого пациента ей должны перечислять пятерку. То есть сегодня она могла бы заработать сто двадцать пять рублей. Если бы у Новосибирского Фонда были деньги... Если бы.

Ноги гудели. Это только кажется, что врач на приеме постоянно сидит. Мамаши не замечают, сколько времени она проводит на ногах, осматривая уши, горла и носы. Зато все сочувствуют писанине. Говорят: «Неужели нельзя что-нибудь придумать? Ведь двадцать первый век! Пусть вам купят компьютеры!» Иногда, когда есть настроение поболтать, Нина объясняет, что по закону врач должен писать все от руки. Это будет уликой, если что...

«Какие слабые детки пошли! – подумала она, снимая халат. – У всех поголовно аллергия. И чтоб осенью! Полный дурдом. Да чтоб они провалились, эти импортные продукты!»

Настроение у нее, впрочем, было неплохое – впервые за много месяцев. Нина искренне любила свою профессию, и все эти малыши, на самом деле, не отнимали у нее энергию, а, наоборот, подпитывали. Нина давно замечала, что в детских поликлиниках, школах, детских садах невероятно разрастаются фикусы, бегонии, анютины глазки. Растения буквально прут из своих горшков: пересаживать приходится почти каждый месяц.

«Это детки, - удовлетворенно думала она всякий раз, когда подвязывала почти тропический побег плюща. – Вот лапочки какие! Сами болеют, страдают, а как засмеются, так физиоте-

рапевтические приборы из строя выходят – перепад напряжения, как говорит электрик, дурак старый».

Но главное, к Нине сегодня приезжает подруга из Москвы. Когда-то они вместе учились в омском медицинском училище. Потом их дороги разошлись. Подруга разочаровалась в медицине, точнее, в медицинской зарплате, рванула в Москву деньги зарабатывать. Нина же окончила училище, потом там же, в Омске, поступила в медицинский институт – один из лучших в Союзе, потом вышла замуж, уехала в Новосибирск. Семейная жизнь не задалась, но мужа она не винила: это Нина оказалась бесплодной. Не каждый мужик на такое согласится... Нет, неплохой человек. И квартиру оставил.

С Леной договорились на семь. Она сказала, что весь день будет работать, а потом придет к Нине ночевать. Она журналистка – вот как жизнь повернулась. Впрочем, медики ведь всегда тянулись к творчеству, и Чехов, и Булгаков...

Лена хорошо устроилась в Москве. По Новосибирским меркам, она богатая женщина: большая собственная квартира с евроремонтом, импортная машина, загородный дом. «Это журналистам так платят?» – спросила Нина, когда была проездом в Москве года четыре назад. «Да что ты! – Лена махнула рукой. – Я больше для удовольствия работаю. Вся мою подвижность и неподвижность мне перестройка дала. Я ведь челноком несколько лет моталась, в Лужниках торговала»... «Ну, - неуверенно сказала Нина. – У меня есть друзья-челноки. Но разве они так живут? Они почти как я, еле концы с концами сводят». «Это опоздавшие, - пояснила подруга. – Те, что спохватились году в девяноста седьмом. Поздно начали, доходы совсем другие. Кто не успел, тот опоздал». «А когда надо было начинать?» «Хотя бы в девяноста втором».

Лена приехала к восьми. Котлеты уже час как стояли, укутанные газетами и полотенцем. Тоже укутавшись, как котлета, Нина задремала на диване. Ей снился очень красивый годовалый ребенок, она всплакнула во сне.

- Уф, как же я устала сегодня! – старая подруга ввалилась с тортом, двумя бутылками и без вещей.

- А где чемоданы? – спросила Нина, когда поцеловались и бутылки с тортом перекочевали к ней в руки.

- В гостинице.

- Как в гостинице? Ты что, с ума сошла? Зачем в гостинице?

- Да нас туда из аэропорта отвезли, я там вещи и бросила. Я же делегацию сопровождаю. Со мной еще оператор. Мы фильм документальный делаем. Собственно, уже сделали.

- Вот и переезжай ко мне.

- Да ладно тебе, какая разница. Гостиница «Интурист». Все тип-топ.

- А как жизнь вообще? – осторожно спросила Нина, пододвигая тапки ногой.

- Тоже тип-топ.

Они прошли в комнату. Лена устало огляделась, рухнула на диван.

- Как хорошо, что есть места, где ничего не меняется. – сказала она, удивленно прислушиваясь к своим ощущениям: бок стал горячим. Она пошарила рукой.

- Это котлеты. – объяснила Нина. – Если бы в моей квартире что-нибудь изменилось, например, появилась эта печка, которая все разогревает за две минуты, я была бы не в претензии. А то, видишь, укутываю полотенцами.

- Да, я опоздала, приношу свои извинения. – Лена покаянно сложила брови домиком. – Человек, которого я сопровождаю, захотел сняться на берегу водохранилища в Академгородке. Встал, как Пушкин на картине, у самого синего моря. И знаешь, какую песню просит наложить на этот кадр?

- Не знаю, - засмеялась Нина, раскладывая пюре по тарелкам.

- «Как упоительны в России вечера»... Вот с какими идиотами работаем.

- Нет, красивая песня.

- Да? Ну, в общем-то, по фактуре она ему подходит. Он ведь блатняк.
- Что значит «блатняк»? Ты снимаешь фильм про блатного?
- Теперь он депутат. Крупный бизнесмен. Владелец нашей телекомпании.
- Хорошо платит?

- Плохо. Но и не требует ничего. Никакой ответственности, полная халява. Мне это нравится – много свободного времени.

- На что его тратишь?
- А вот это уже философский вопрос. Выпьем?

«Замуж так и не вышла, - подумала Нина. – И ребенка не завела. Непостижимо!». Единственное, чего Нина никогда не понимала – это добровольного отказа некоторых женщин от материнства.

После вина беседа пошла немного живее, хотя обе страшно устали за день. Но все-таки общих тем было мало – слишком разошлись их пути. Разные профессии, разные жизни, ни одного совместного знакомого, чье имя они могли бы вспомнить одновременно. Даже общая беда – отсутствие семьи – как показалось Нине, обернулась двумя совершенно разными проблемами. У нее - комплексом неполноценности, у Лены - эгоизмом. «Да, с жиру бесится. – вдруг неприязненно подумала Нина. – Все есть, даже свободное время. Красивая баба, молодая, энергичная, почему замуж не выходит, не рождает? Что же это с людьми происходит – не хотят никого любить!»

- Много народу в Москве сейчас... - сказала Лена. – А мужика найти трудно, как и раньше. Все какие-то... Когда всего сама добились, хочется такого найти... Сватаются, конечно, но полные выродки. Недавно один молдаванин подкатывал, представляешь?

- Ну, молдаване тоже люди.

- Да я с этим и не спорю. Но он мне сказал: «Как хочется иметь свою квартиру и жену, чтобы кормила. Еще надоело самому стирать...»

- Искренний парень, во всяком случае.

- Точно. Бесхитростный... Думаю, может без мужа родить? Как ты считаешь, в тридцать пять не поздно?

Этих слов было достаточно, чтобы Нина расцвела.

- Поздно? – воскликнула она. – У Марины Васильевны, это моя подруга, зав. женской консультацией, у нее на прошлой неделе две женщины встали на учет. Одной сорок шесть лет, другой сорок восемь. Первородящие! Представляешь?

- А раньше в двадцать пять в роддомах писали: «пожилая».

- Так то раньше! Ко мне недавно мамочка приходила на прием. Пятьдесят три года, а ребенку годик. И такой славный малыш, щечки такие, ты себе не представляешь! Рожай, а то время быстро идет. Помнишь, когда ты была у меня в прошлый раз? Лет десять назад? Как будто вчера!

Лена на секунду прикрыла глаза. Лицо ее немного осунулось от усталости.

- Одиннадцать лет назад. – сказала она.

- Правильно. Это ведь был девяносты второй? Я только замуж вышла. Мы, кстати, обижались, что ты на свадьбу не приехала.

- Я не могла.

- Слушай, я так до сих пор и не поняла, а что ты в Новосибирске тогда делала? По челночным делам?

- Тогда у меня челночных дел еще не было. Я летела в Омск, чтобы прописаться... У меня не было московской прописки, а тогда все оформляли гражданство... Мне сестра двоюродная обещала помочь. Я ведь из Омска родом.

«У нее какие-то проблемы были с родственниками» – смутно припомнила Нина.

- Билетов достать не смогла, все с юга летели. Дала сто рублей летчику, он меня посадил на приставное место, знаешь, у них возле запасного выхода есть такие. И вдруг, как назло, в Омске страшный туман. Нас посадили в Новосибирске, вывели в зал. А мне как в самолет вернуться? – я ж заяц. Билета нет. Пришлось день провести у вас, а потом ехать на поезде. Не помнишь? Я у тебя еще деньги занимала...

- Да-да, мы тебя ночью провожали. А мне казалось, ты много времени в Новосибирске провела.

Лена странно глянула на нее, снова прикрыла глаза.

- Нет, что ты. С двенадцати дня и до четырех утра. Забыла? Мы пообедали, потом я поспала, потом телевизор посмотрели и на вокзал поехали. Там еще давка такая была.

- Давку я помню, но у меня в памяти почему-то осталось, что ты в командировку прилетала. На неделю или на две. Вот как сейчас. И приехала к нам в последний день. Ты ничего не путаешь? Ты еще рассказывала про какого-то поклонника из Академгородка.

- Я не помню. – Лена зевнула.

«Скрывает чего-то, – решила Нина. – И тогда темнила... Подумаешь...».

- Я стелю? – сказала она. – Уже поздно. Ты завтра работаешь?

- Нет, я уже освободилась.

- Ну, мне тоже пятницу отработать, а в субботу и воскресенье мы с тобой куда-нибудь сходим. У нас не Москва, но про театр наш оперный ты помнишь? Великолепная труппа! Я ни одного спектакля не пропускаю.

- Мы его проезжали сегодня, - сказала Лена.

- Ты там никогда не была?

- Я же говорю, Нина, я в Новосибирске была меньше суток и все на твоих глазах, - Лена сказала эти слова немного раздраженным тоном.

- Да-да, я забыла. Ну, тем более, сходим.

- Я бы лучше на природу.

- Дачи у меня нет, - предупредила Нина. – Тем более, такой, как у тебя в Москве.

- У вас природа есть. Я завтра на природу съезжу.

Нина немного удивленно пожала плечами, тяжело встала, пошла за постельным бельем.

Заснула она сразу – была у нее такая счастливая черта. Зато старая подруга долго ворочалась на своем диване, несмотря на усталость. Елена давно жила слишком спокойной жизнью, вот и отвыкла от впечатлений. Лет пять, вообще, никуда не хотелось двигаться. Даже поездки за границу не соблазняли так, как раньше. А ведь когда-то была легкая на подъем...

«Это загородный дом, сволочь, - подумала она, борясь с подушкой. – Это он энергию пьет. Как засядешь там, неделю потом выбраться не можешь... Нина, конечно, изменилась... Знала бы она, какой странной нитью связаны мы с ней...».

На завтра уже был нанят водитель – на целый день за пятьсот рублей, такие тут цены.

Глава 3. Про Фому и про Ерему

Миловидная женщина лет сорока с радостью остановилась на оклик. Калитку она не закрыла, так и стояла, опершись одной рукой. Елена растерянно шла по направлению к ней. Может быть, впервые в жизни она, журналистка, не знала, о чем спрашивать. Реальная деревня настолько отличалась от той, которая осталась в ее памяти, что даже одиннадцатью годами этой разницы объяснить было нельзя.

Конечно, напрашивались и другие объяснения. Сцена увиденного убийства так стремительно промелькнула перед глазами, что могла исказиться с годами - но все-таки одно объяснение буквально лежало на поверхности. «А не гоняюсь ли я все эти одиннадцать лет за обстоятельствами сна? – вот, что подумала Елена, спустившись на берег реки. – Не ошибки зрения, не предрассветной галлюцинации, не розового пакета из дырки, а просто сновидения?»

Деревню шофер нашел очень быстро. Она находилась в тридцати минутах от вокзала – ровно в тридцати минутах хода поезда. Дело в том, что в этот проходящий «Иркутск-Ленинград» она села в четыре-ноль-три, в четыре тридцать проводница подошла к ней и предупредила: «Ты пока не ложись, в Кременном мужик с нижнего места будет сходить, перейдешь туда» – ей, видимо, самой было неловко, что содрала пятнадцать рублей ни за что. «С нижнего места? – спросила Елена. – Когда это будет?» «Сейчас пол-пятого? – проводница посмотрела на часы. – Пойду туалеты открою... Через сорок минут». Она повозилась с ключами у туалета и скрылась в своем купе. Елена осталась одна. Через две минуты в окне показалась пустынная улица деревни...

...Это по-прежнему была первая деревня на выезде из города. Как только она стала видна в лобовом стекле, Елена радостно подумала, что здесь тоже мало что изменилось – как и в самом Новосибирске. Глушь, запустение.

Проваливаясь в колдобины, машина пропылила по единственной дороге, переехала по бетонным плитам низенького моста по направлению к железнодорожной насыпи, остановилась у переезда, даже не отмеченного шлагбаумом. Поиски места следовало начинать отсюда.

Елена вылезла из машины и пошла к путям. Здесь ее ждал первый сюрприз.

Она ожидала, что пойдет вдоль насыпи, вглядываясь в просветы между тополями, пока не увидит мостки (пусть сильно развалившиеся), затем вернется на другой берег, поднимется вверх в деревню, минует сарай, лопухи и выйдет, наконец, к отправной точке движения женщины в белом – к дому, который она никогда не видела наяву, но который часто мучил ее во сне. Может, это была и странная надежда, но вид Новосибирска, квартира Нины - все это внушало оптимизм. Здесь жизнь меняется не так быстро, как в Москве...

...Тополей не было! На всем протяжении деревни насыпь была голая. «Вот гады! Экологической милиции на вас нет!» – рассердилась она. Недалеко от путей торчал пенёк, но он был один-единственный.

Надежда на мостки начала убывать. Если уж гигантские тополя не дожили, то чего ждать от гнилых деревяшек, брошенных в воду. Так и оказалось.

Следующей неприятной неожиданностью стали размеры деревни. Не такая уж она была маленькая. Кроме того, близость к городу – она и в Сибири близость к городу: то там, то здесь высились кирпичные коробки новых богатых. Не таких богатых, конечно, как в Москве, но, вне всякого сомнения, новых.

Елена побродила по берегу (обрадовавшись уже и тому, что река на месте), несколько раз поднялась к рельсам, выбирая места для обзора, но все было напрасно. Нет, даже примерное местонахождение того двора, из которого вырулила медсестра-убийца, определить было невозможно.

Правда, оставались люди.

Елена перешла по бетонным плитам на другую сторону реки (машина медленно проехала за ней), покрутила головой во все стороны, заметила тропинку между домами, идущую, видимо, к центру поселка, и полезла вверх, хватаясь за плети увядающей, жилистой болотной травы.

В одном из дворов копалась на огороде довольно старая женщина.

- Здрасьте!

Не зная, как проявить свое дружелюбие, Елена по-идиотски помахала рукой.

- Здрсьть – буркнула женщина, с ненавистью выдирая что-то из земли.

- Вы здесь давно живете?

- А тебе какое дело?

- Я журналистка.

- Иди к чертовой матери! – Женщина развернулась, поразмышляла над вырванным корнеплодом (Елене показалось, что она собирается запульнуть им) и неожиданно ушла в дом.

- Контакт установить не удалось, - пробормотала Елена. – Что там советует Карнеги в таких случаях?

- А будешь шлаться, собаку спущу! – вдруг выкрикнула женщина и снова скрылась за дверью.

Второй встреченный абориген оказался вполне добродушным. Он даже сам вызвался на контакт.

- Охренели, суки! – сказал он, ласково глядя ей в глаза, и сразу же остановился, показывая, что может потратить время на разговоры с новым человеком.

Елена вгляделась: по возрасту он подходил. Цвет его лица, темный, почти багровый, очень напоминал цвет лица того человека, который по-прежнему слабо шевелил связанными руками в ее памяти. «А вдруг Настя права. Я сейчас спрошу его: а не бросали ли в вашем поселке в речку в девяносто втором году человека?». И он мне скажет: «Точно! Мы с моей молодухой любили покурлесить. Привяжем друг друга к каталке, надышимся нафталином и сигаем с обрыва. Мы, дорогуша, тоже понимаем... в сексе».

- В сексе, - сказал мужик.

- Что? – она вздрогнула.

- В сельсе... в сельсе, - мужик пытался что-то произнести, но у него не получалось.

- В сельсове? – догадалась она. Мужик кивнул. Он был совершенно пьян.

- Вы здесь давно живете? – спросила Елена.

- Чп-тпф, - возмутился мужик.

- У меня дед здесь жил. Одиннадцать лет назад. Он погиб. Его убили. Не могу найти дом.

Все так изменилось. Вы не помните эту историю?

- Деда уби... Ли? – мужик икнул. - На войне?

- Да нет. Здесь в поселке. Утопили. Не помните?

Мужик с таким изумлением посмотрел на нее, что Елене стало неудобно. «Неужели ты тоже пьяная?» – читала она в его глазах.

- Может, другой поселок? – она осторожно двинулась по направлению к видневшейся вдали машине.

- Здесь не топили никакого деда! – от возмущения мужик даже немного протрезвел.

- Я же говорю, другой поселок, - она почти бежала. Шофер, встревоженный, вышел из машины.

Во всех дворах вдруг яростно залаяли собаки. Из-за кустов высунулось чье-то лицо, мгновенно скрылось обратно. Толстая девочка лет четырех остановилась возле машины и крепко ухватила за грязное колесо. Елена замедлила шаг, чтобы перевести дыхание. Ей вдруг стало понятно, какой глупостью был этот приезд. Захотелось оказаться дома, на кухне, перед книжкой и с чашкой кофе в руке.

И тут появилась эта женщина – миловидная женщина лет сорока, совсем городского вида.

- Извините! – слабо позвала Елена и вдруг поняла, что не знает, о чем спрашивать.

Но женщина так охотно остановилась, что надо было начинать разговор.

- Вы давно здесь живете? – спросила Елена.

- Не очень. Вы кого-то ищете?

- Да... Но... Боюсь, вы мне не поможете.

- А может, помогу?

- Одиннадцать лет назад... - Елена смутилась, подыскивая слова. – Одиннадцать лет назад... Я должна была приехать сюда в командировку... Я журналист, да, и нас вызвали по поводу одного убийства – человека утопили. В общем, это долго объяснять... Я бы хотела узнать, чем тогда дело кончилось. Такое у меня задание. Вот мое удостоверение. – и она достала пропуск с надписью «Пресса».

Женщина немного удивленно покачала головой, но, видимо, в нынешней журналистике людей уже ничто не могло поразить по-настоящему.

- Сама я в этот поселок замуж вышла, может, чего и не помню, - извиняющимся тоном сказала она. – Но моя свекровь, она здесь родилась. Должна знать. Пойдемте в дом?

Они поднялись на крыльцо, женщина толкнула незапертую дверь, прислушалась.

- Мама! – негромко позвала она.

Откуда-то сбоку вынырнула бойкая женщина.

- Тебя за смертью посылать! – сказала она и с огромным любопытством уставилась на Елену.

- Мама, это журналистка. Кого здесь утопили одиннадцать лет назад?

- Одиннадцать лет назад – это в каком?

- В девяноста втором. – сказала Елена. Они продолжали стоять в тесном и темном коридоре, но она этому даже была рада: свекровь буквально ела ее глазами.

- В шестьдесят третьем сын у Лихачевых утонул. – не задумываясь, выпалила та. – Потом ребенка в одиннадцатом доме молнией убило. А в девяноста втором... Прямо взяли и утопили?

- Утопили.

Про медсестру Елена говорить побоялась.

- Утопи-или? – картинно удивилась свекровь и посмотрела на невестку. Та равнодушно пожала плечами.

- Нет, у нас никого не топили. Хотя... Штейнера-то в каком году зарезали? Пожалуй, как раз в девяноста втором. Или в девяноста третьем. Черт его знает. Но его зарезали, почти всю голову отпилили. Ну, ему туда и дорога. Он всю жизнь напрашивался. Дружки, поди, и отпилили голову-то.

- Он старый был?

- Нет, ему лет двадцать было.

- Смуглый?

- Кто? Штейнер? Нет, он здоровый, рыжий, лицо белое-белое.

- Немец. – равнодушно подсказала женщина.

- Немец. – важно кивнула свекровь. – Но не такой, как немцы. Бандит.

- Что-то у нас в редакции напутали, - вздохнула Елена. Она отступила к дверям, но вдруг одна мысль пришла к ней в голову. – А может, кто-то пропал в этом году?

- Что значит «пропал»? – удивилась свекровь. – У нас тут постоянно кто-то пропадает. Уезжают люди в город. Чего тут делать?

- Нет, я имею в виду, что внезапно исчез человек, и его потом милиция искала, в розыск подавали. Не было такого старого человека?

- Да что вам надо-то? – подозрительно спросила свекровь. Невестка тоже немного напряглась.

- Если честно... - Елена набрала побольше воздуха. – Я ищу дом, из которого пропал человек. Пожилой человек. Он пропал в девяноста втором году. Вот все, что мне надо.

- Ага, дом! – обрадовалась свекровь. Лицо ее мгновенно стало недоброе. – Вот так бы сразу и говорила! Дом! Я так и думала. Хочешь наследницей себя объявить? Так вот: у нас таких домов нет! Никто у нас не пропадал! Все дома имеют законных хозяев. Аня, позвони участковому!

- Да вы не поняли! – Елена поморщилась, - Мы снимали фильм. Но у вас тут все изменилось, ничего не можем найти.

- Да что ж это такое! – свекровь всплеснула руками. – Я ей про Фому, она мне про Ерему. Да никто у нас не пропадал!

- А деревня как называется?

- Корчаковка.

- Да вы что! – Елена рассмеялась. – Это мы вообще не туда попали! У вас здесь почему указателей-то нет?

- А зачем они? – свекровь растерянно оглянулась на невестку. Воспользовавшись паузой, Елена отступила на улицу. «Спасибо» она крикнула уже на бегу, боясь, что расспросы продолжатся.

«Все, хватит! Даже если здесь что-то и произошло одиннадцать лет назад, оно было незначительным, иначе бы оставило о себе память. Ведь помнят же про молнию, которая убила ребенка в шестидесятых годах».

Шофер пинал лопухи в стороне от дороги. Увидев Елену, он бросил окурок на землю, и побежал к машине – клиентке он старался понравиться. «Ну что, разузнали, что хотели?» – улыбаясь, спросил он.

Когда отъезжали, Елена увидела в зеркало, что свекровь вышла из дома и засеменила к телефону-автомату, стоящему на краю улицы.

«Может, и правда, участковому звонит, – беззлобно подумала она. – Ну, и народец здесь однако. Угрюмый какой-то».

Ночевать она поехала к Нине.

Глава 4. Ограбление накануне выборов

Лежаев распустил узел галстука, расстегнул ремень, с облегчением выдохнул.

- Тащи пива, - сказал он Максиму.

- На сегодня все? – спросил тот, не двигаясь с места. Но Лежаев уже не слышал: развалившись в кресле, переключал кнопки на пульте. «Говорили, есть спутниковая антенна» – сердито пробормотал он. Максим вздохнул, пошел в другую комнату, достал из мини-бара пива, немножко поразмышлял, вынул с верхней полки початую бутылку водки, глотнул из нее и, повеселев, пошел обратно.

- Странно работаете, - раздраженно сказал ему Лежаев, отбрасывая в сторону пульт. – Чего хоть наснимал-то?

- Да все, что было, то и наснимал. Семь кассет уже!

- А корреспондентка где?

- А зачем ей с нами мотаться? Да не волнуйтесь вы, все хорошо получится.

- Это ты должен волноваться, не я.

«Ишь ты, донна Корлеоне из себя корчит, - подумал Максим. – И эта тоже хороша, хоть бы для приличия пару раз появилась. Знает же, что он в душе чиновник. Ему надо, чтобы все прогибались, иначе он хиреет».

В принципе, такие съемки не требовали присутствия Елены. Но правила есть правила. Ее независимость многих раздражала.

Например, отправляют ее на какое-нибудь заседание в какую-нибудь префектуру, а она глаза выпучит и спрашивает: «А чего мне там делать? Ты, Максим, поснимай президиум и несколько лиц в зале, да привези мне их повестку дня, она у входа на тумбочке лежит. Мы с тобой такой сюжетик сварганим, Митя пальчики оближет!» И варганила. Но Митя потом месяц оправдывался перед пресс-службой, что на заседании был один оператор. А однажды сделала сюжет, даже не посылая Максима на съемку. По телефону узнала повестку дня, прикинула, кто из чиновников будет, нашла в архиве пару похожих сюжетов, да смонтировала так, чтобы не было слишком заметной одежды – одни костюмы. Так еще по-гусарски схулиганила: растянула сюжет на две минуты и внесла в него проблемную нотку. «Молодец!» – сказал Митя. На следующий день он только глазами хлопал, слушая жалобы пресс-секретаря. «Как это никого не было?! – возмутился он. – Ты сюжет видел? И вообще, по содержанию претензии есть?» Пресс-секретарь тоже потом ничего понять не мог.

Но не всегда такое гусарство позволительно. В конце концов, Лежаев хозяин. Разве трудно проявить уважение? Вот он Максима за пивом посылает – ну и что? Трудно, что ли, сбегать? Зато когда Максиму помощь нужна была – по переезду из хрущевки в нужный район – Лежаев помог, не моргнув глазом. Нет, он мужик справедливый.

- Александр Сергеевич! – в прихожую люкса просунулась голова охранника. – У нас некоторые проблемы. Только вы не волнуйтесь!

При этих словах Лежаев сразу стал багроветь и схватился за сердце.

- Что-то дома? – прохрипел он.

- Нет, здесь... - охранник замялся.

Лицо Лежаева совсем посинело.

- Ну, говори же, сволочь!

- Номер ограбили.

- Какой номер? Чей?

- Здесь в гостинице. Двадцать седьмой. Администратор звонил. Он за Вами закреплен.

- Где Медынский?! – завопил Лежаев. – Чей это номер?

Из самой дальней комнаты вылетел испуганный Медынский.

- Это второй этаж? – спросил он, что-то дожевывая. – Двадцать седьмой? Это Корнеевой номер. С телевидения.

- Вот бляха-муха, - удивленно произнес охранник. – Чего там воровать-то? Там даже телевизора нет. Может, провокация?

Медынский махнул рукой, завистливо косясь на пиво.

- Ерунда! – сказал он. – Гостиница крутая, деньги искали, наверное.

- Администратор говорит, все разворочено, как в Первую мировую. – возразил охранник.

- Пойдем посмотрим. – Лежаев встал из кресла, на ходу застегивая ремень.

- Администратор говорит, пока милиция не приедет, нельзя.

- Леша, - ласково сказал Лежаев. – Я не понял, ты на кого работаешь, на меня или на администратора? У нее есть мобильный? – обернулся он к Максиму. Тот кивнул. – Вызови. Может хоть сейчас появится на работе?

В номере уже находились три милиционера. Они возились среди разбросанных вещей, негромко переговариваясь между собой. У одного непрерывно трещала рация. У окна стоял расстроенный администратор. Увидев Лежаева, он засуетился, бросился к нему навстречу.

- Ничего не понимаю! – воскликнул он, заламывая руки. – Ну, первый раз такое! У нас же охрана, на каждом этаже консьерж!

- Ну и чего говорит этот ваш консьерж? – насмешливо спросил его один из милиционеров. – Он же лыка не вяжет.

Взгляд администратора стал совсем затравленным. Но Лежаев к человеческим слабостям был вполне терпим.

- Всякое бывает, - сказал он. – А вот охрана на входе, действительно, стоит постоянно. И пропуск у всех спрашивает. Это не иностранный отель. Наш, советский. Сюда не проскользнешь.

- И у вас пропуск спрашивает? – снова усмехнулся милиционер.

Лежаев начал багроветь.

- У меня не спрашивает. Меня знают.

Милиционер развел руками.

- Слушай, друг! – рассвирепел Лежаев. – А как твои коллеги в странах запада работают, ты мне объясни? Без всякой охраны у каждого подъезда, без регистрации людей находят! Как?! А знаешь, как? Жопу поднимают и работают!

- Ну, за тысячу долларов в месяц и я бы жопу поднял, - неожиданно миролюбиво ответил милиционер.

- Это номер журналистки, - сказал тот, что с рацией. – Разворочено так, словно искали что-то определенное. У меня ощущение, что искали не деньги, а бумаги.

- Бумаги?

- Ну, или документы. Где она? Хотелось бы с ней поговорить.

Лежаев, бешено выпучив глаза, обернулся к Максиму.

- Уже выехала! – торопливо сказал тот.

- Она ведь на вас работает, - продолжил милиционер. – Может, было что-то... - он замялся. – Связанное с вашим приездом? Вы ведь депутат... Не копали против губернатора, скажем, еще против кого?

- Я по приглашению фонда помощи детям-сиротам приехал.

- Это понятно. Но, может, там какие-то финансовые нарушения обнаружили? У нас город, конечно, большой, но все равно не такой, как Москва. Приезжие контролеры все на виду... И меры иногда принимаются... Так скажем, неадекватные.

Лежаев угрюмо помахал головой. Все, кто его знали: и Медынский, и охранник, и даже Максим, поняли, что в этот момент он напряженно соображает. Действительно, кому нужна

заезжая журналистка из никому не известной частной телекомпании, тем более, приехавшая снимать своего босса на берегу водохранилища?

- Может, Орлов что-то себе навоображал? – осторожно предположил Медынский. Орлов был владельцем местного шинного завода. Когда-то они с Лежаевым за этот завод дрались, потом мирно договорились, но неприязнь в отношениях осталась.

- Он что, дурак - Орлов? – спросил Лежаев.

Медынский пожал плечами. Орлова он, действительно, считал дураком.

Вдруг страшное подозрение буквально пронзило Лежаева. «А может, она сама тут чего-то копала?! – подумал он. – Может, она подрабатывает в каком-нибудь «Московском комсомольце», вот и решила халтурку взять? Потому и не показывается – ездит по местным правозащитникам, интервью берет! Урою! Так меня подставить накануне выборов! Ведь скажут: значит, есть что-то! Значит, не в фонд детей-сирот Лежаев приехал и вся его благотворительность – это прикрытие. Волк он в овечьей шкуре! На Новосибирск зубы точит!»

- Господи! Что это? – в дверях номера появилась Корнеева. – Это так было или вы добавили? – обратилась она к милиционерам.

- Корнеева? – спросил один из них.

- Да.

- Вы где были?

- У меня подруга в Новосибирске живет. Я у нее последние три ночи ночевала.

- Что за подруга?

- Нина Сергеевна Покровская, улица Орджоникидзе восемь, квартира пятнадцать. – четко и насмешливо произнесла Елена.

- Вы сюда приехали, здесь и жить должны! – сказал Лежаев.

- Я отпрашивалась, Александр Сергеевич. – мирно сообщила она. – Сказала, что если какие-то сложности с этим, я останусь. Мне здесь даже удобнее. Просто, подруга обижается... Ваша помощница Кира сказала, что это не проблема.

- Ну что, давайте смотреть, что пропало. – предложил милиционер.

- Да что здесь пропасть могло? – удивилась Елена. – Я и то удивляюсь, сколько вещей разбросано. Такое ощущение, что мне, наоборот, кучу барахла принесли.

При этих словах Лежаев затаил дыхание. «А что, - подумал он. – Это тоже вариант! Сейчас найдут что-нибудь. Господи, пронеси!»

- Может, шутить перестанем и делом займемся? – кисло сказал один из милиционеров.

- Есть, начальник!

Елена прошлась по комнате, собирая вещи. Заглянула в тумбочки, открыла косметичку, пожалала плечами.

- Все на месте. – сказала она. – Даже обидно как-то. Вещи у меня дорогие.

- Золото было?

- То, что на мне.

«Точно под меня провокация!» – тоскливо подумал Лежаев.

- Как-то показательно все разбросано, - Елена стала аккуратно складывать кофту. – Вот в документах рылись точно. Они совсем не так лежат. Кредитную карточку тоже переворачивали. Но не взяли. Что еще? Мобильный у меня с собой... Слушайте, а не могли номер перепутать? Когда документы нашли, поняли, что ошиблись, и смылись?

- Похоже на то.

- Ой, слушайте! – Она вдруг поднесла руки ко рту. – У меня есть одна дорогая вещь – ноутбук последней модели. Я на нем печатаю. Он был со мной у подруги, в сумке лежал, но, может, его кто-то здесь видел? Его удобно красть – маленький, но дорогой.

- Что ты печатаешь-то? – не выдержал Лежаев. – Ты на рабочем месте вообще не появляешься!

Елена спокойно посмотрела на него, поиграла желваками.

- И это мы с вашей Кирой обсудили, - сказала она. - Вот если фильм не понравится, тогда ругайте. А печатаю я книгу... - и вдруг она побледнела так, что все в номере затаили дыхание.

- Что? - не выдержал администратор, хватаясь за сердце.

Елена стала заново перебирать вещи, выбрасывая из сумки то, что сложила пять минут назад.

- Это уже совсем бред. - наконец, тихо сказала она. Потом снова прошлась по тумбочкам, подняла матрац, заглянула в шкаф, под кровать, отодвинула штору, сходила в ванну, опрокинула мусорное ведро.

- Ну вот, - она встала напротив милиционеров. - У меня украли рукопись!

- Я так и знал! - завопил Лежаев. - Ну я так и знал! Против кого здесь копала? На кого еще работаешь?!

Корнеева недоуменно посмотрела на него, потом, видимо, догадалась.

- Это книга, Александр Сергеевич, - мягко сказала она. - Фикшн. Художественная литература. Никакого отношения к журналистике.

- Что же это получается, - сказал милиционер с рацией. - Украли рукопись? Ну нет, гражданка Корнеева, у нас тут такого не бывает. Рукописи не воруют.

- Я тоже так думаю. - Елена вдруг успокоилась. - Смысла никакого. И вреда мне никакого: все в ноутбуке сохранено. Рукопись - это так, старомодная любовь к бумаге. Я думаю, ее где-то поблизости выбросили... Может, Александр Сергеевич, правда, под вас копали? Думали, мы с тайными целями приехали, и у меня какие-то материалы собраны? Взяли почитать, на ходу разобрались и выкинули.

- Кассеты не пропали? - встревожился Медынский.

«Представляю, - подумала Елена. - Включают они кассету, надеясь увидеть компромат, а там этот боров на берегу водохранилища... Как упоительны в России вечера...». Она успокоилась окончательно.

- Ну что? Расписывайтесь. - предложил милиционер.

Номер опустел. Елена стала разбирать вещи. Было неприятно осознавать, что их трогали чужие руки, но гостиничный номер - не квартира. В нем и так роются все, кому не лень: горничная, сантехник, охрана Лежаева (Елена почему-то была уверена в этом). «Вот жлобина! - подумала она. - Знает ведь, что это из-за него в наших номерах копаются, а строит из себя...»

В номер постучались.

Она осторожно подошла к двери, посмотрела в глазок. За дверью стоял водитель, которого она нанимала для поездки в Корчаковку.

Елена открыла дверь.

- Здравсьте! - она отошла в сторону, пропуская его в номер. Но он остался в дверях. Елену поразила его бледность.

- Вы знаете, - зашептал он, не поздоровавшись. - Вы мне очень понравились, и я не имею права молчать. Вас ищут. Это очень, очень неприятные люди.

Сердце ухнуло куда-то вниз, в коленки.

- Что значит «ищут»? - так же шепотом спросила она.

- Ко мне вчера приехала милиция... Милиционеры... Они были не в форме, но сказали, что милиция. А сами похожи на бандитов. Ей-богу, такие рожи! Они знали, что вы меня нанимали, спросили, кто вы, где проживаете, как вас найти. Я не мог не сказать... Такие рожи... А у меня дети! Хотя, что я о вас знаю?! Что вы из Москвы, я вас у «Интуриста» забирал. Я не мог не сказать, поймите!

- Да успокойтесь! Мне нечего скрывать. Это какое-то недоразумение. Слушайте, а помните бабку в деревне? Она меня неправильно поняла, думала, я престарелых ищу, чтобы

дома их захватить. Может, запомнила номер, пожаловалась в милицию, и они решили проверить на всякий случай?

- Вы что? – сказал он. – Если бы в милиции так работали! Думаете, они на каждую сумасшедшую старуху реагируют?

- Ну, мало ли... - она помолчала немного. – Может, у них похожие дела были? В деревне все такие напуганные...

- Они к вам приезжали? Допрашивали?

- Не допрашивали. – ответила она и вдруг поняла, что нужно добавить: «Но приезжали». Водитель покачал головой.

- Не знаю, что вы натворили... Но у нас быстро расправляются, если что... Будьте осторожны!

Елена закрыла дверь. Ноги у нее дрожали.

«Водитель не имеет отношения к Лежаеву, - сказала она себе. – Значит, это нажаловалась старуха, и они заинтересовались моим визитом. Ладно, пусть я похожа на мошенницу. Но почему они не побеседовали со мной? Боялись спугнуть? Ха! Тогда зачем же курочить номер?»

И она оглядела вещи, разбросанные по полу.

Глава 5. Юля Ворошилова из Омска

Монтажер обессиленно откинулась на спинку стула.

- Ну дерьмо! - с уважением произнесла она. – Думаю, ему понравится.

- Добавь спецэффекты, куда я сказала. – предупредила Елена.

- Зайка, это дерьмо трудно испортить, но все-таки...

- Добавь-добавь. В прошлый раз он развопился: типа, зачем я все это цифровое оборудование покупал?! Грозился пульты детскому саду подарить.

Монтажер опять уважительно зацокала.

- Значит, сделать, чтобы было богато? – «богато» она произнесла по-кубански, с фрика-тивным «г».

- Да, с финтифлюшками. Там, где дети-сироты, убери цвет, пусть все будет черно-белым. Когда он заходит, пусть цвет появится.

- Типа солнце?

- Типа счастье. Когда он о жизни начинает говорить, кадры пусть улетают в угол и оттуда затем разворачиваются. И рожа у него слишком красная. Убавь цвет, не забудь! Поняла? Маша, я не шучу.

Предварительный просмотр состоялся накануне. Уж на что Лежаев хотел придрататься – но нет, запыхтел довольный. Очень ему закадровый текст понравился. «Наверное, это разумно и современно – равноправие полов, - проникновенно говорил Еленин голос. – Но приятно осознавать, что есть вещи, за которые несет ответственность только мужчина. Если он, конечно, настоящий мужчина». Лежаев покраснел, оглядываясь – он, вообще-то, был чрезвычайно сентиментальным.

- Ну, ничего, неплохо, - сказал он, когда отзвучали «Упоительные вечера».

Больше всего ему понравился конец, где он идет в замедленной съемке по берегу водохранилища, пальто распахнуто: Петр Первый, только жирный и маленький, а глаза печальные и мудрые.

«Типа за Россию болеет», - так это определила монтажер, когда клеила.

- Ну, это пока первоначальный вариант, - сказал Митя на всякий случай. – Все, конечно, будет дорабатываться, шлифоваться.

Монтажер переглянулась с Еленой и закатила глаза. Они обе знали, что работа, считай, кончена. Главные навороты будут пущены на титры: вот туда, точно, монтажер засунет все спецэффекты, доступные на этом пульте. Елена обратила внимание, что Митя странновато себя ведет: какой-то растерянный, не похожий сам на себя. «Может, неприятности?» – подумала она.

- Да, неполадок пока много, я вижу, - Лежаев решил показать, что тоже не лыком шит. – Но настроение схвачено. – он вдруг приобнял Елену, привлек ее к себе. – Обижалась, поди? Я ведь ей, Митя, там вставил. В смысле, повоспитывал немного. – исправившись, он покраснел. – Она молодец, способная. Но какая ленивая, слушай!

Митя ничего не сказал, только нахмурился. Елена снова подумала, что он постоянно размышляет о чем-то неприятном.

- Рассказывала она, как ее в гостинице ограбили? – спросил Лежаев, не отпуская Елену.

Митя кивнул. Елена ему все в подробностях изложила. Сказала, что была в деревне, ничего там не выяснила, зато напугала до смерти какую-то старуху, та, видимо, в милицию нажаловалась. Рассказала и о краже.

«И что в бумагах было?» – удивленно спросил Митя.

«Ну, последний вариант истории о Викторе Семеновиче Антипове».

«Бесконечной истории о Викторе Семеновиче Антипове. – поправил он. – Ты бы уж дописала и точку поставила».

«Да я давно все дописала, Митя! Эта придуманная мною история давно меня не волнует! Ты что, считаешь, я сумасшедшая?»

«Сумасшедшая, не сумасшедшая, но зачем ты эту рукопись с собой взяла, если эта история тебя не волнует?»

«Подруге хотела показать. Там она есть в качестве героини и даже под своей настоящей фамилией».

«Показала?»

«Нет. Увидев ее, я поняла, что она не поймет... Ей это неинтересно. Замордована жизнью... Да фиг с ней, с этой рукописью! Я вообще думаю, что мое призвание – это грамотные тексты к телевизионным сюжетам. И нечего выше головы прыгать».

«Ну, не знаю... - Митя задумчиво постучал ручкой по столу. – Рукопись, конечно, случайно сперли. А вот не подставляет ли нас Лежаев?»

«Если бы это он, моего водителя не допрашивали бы».

- Ты чего-то смурной сегодня, - сказал Лежаев и ободряюще пихнул Митю в плечо. Из-за этого и Елена чуть не упала, поскольку Лежаев качнулся вместе с ней. – Ну ладно. Я пошел. Это вы, лоботрясы, сейчас по домам разъедетесь, а у меня еще две встречи сегодня.

...Пока смотрели фильм, Елена заметила небольшой брак, поэтому и провела с монтажером эти лишние полчаса. Добродушие Лежаева ее тронуло. Хотелось сдать фильм без накладок, тем более, что хозяин будет показывать его на каждом семейном празднике. Собственно, для этого они его и делали.

Она снова предупредила монтажера, чтобы красное лицо сделали бледным, и пошла искать Митю.

Дорогу преградила секретарша.

- Дмитрий Евгеньевич занят, - пропищала она. – Просил никого не пускать.

- И меня не пускать?

- Как раз насчет вас предупредил особенно. – глаза секретарши полыхнули злорадством. Елену она считала чересчур высокомерной.

Секретарша у них была так, для солидности. В основном, она выполняла разные подсобные поручения, была на подхвате, у нее даже места своего не было. И тут нате – просил не пускать. Все, как у взрослых.

- У него кто-то сидит? – спросила Елена.

- Он. Просил. Не пускать.

«Тоже какая-то странная, – подумала Елена. – Может, на меня что-то наговорили? Но не увольнять же он меня решил? Вчера вроде нормально расстались. И Лежаев был доволен... Нет, правда, у Мити неприятности».

Зазвонил мобильный.

- Але?

- Ленчик, ты? – это был брат. – Ты должна ко мне сегодня заехать. Не позднее шести.

- Почему? – удивилась Елена.

- Тебе будут звонить. Юлия из Омска. Юлия Ворошилова, наша сестра.

Елена машинально кивнула и тут же поняла, что фраза, которую он только что сказал, была абсолютно бредовой. Точнее, смысл в этой фразе был, но он соответствовал каким-то очень старым временам и обстоятельствам.

- Она будет звонить тебе? В шесть? – уточнила Елена.

- Ну да.

- У вас это так делается, с уведомлением? А я при чем?

- Она будет звонить тебе. А с уведомлением потому, что ты должна успеть приехать.

- Ты сам понял, чего говоришь? Моя сестра Юля, у которой есть домашний телефон, звонит тебе, чтобы ты нашел меня, имеющую телефон, и даже не один, и предупредил, что я должна приехать к тебе в шесть вечера, чтобы поговорить с ней, когда она тебе позвонит... Почему она не позвонит мне?! По одному из моих телефонов! Гриша, ты пьян?

- Нет, я не пьян. Я передаю то, что попросила передать наша сестра Юля. Она сказала следующее: «Мне нужно срочно переговорить с Еленой. Пусть она придет к тебе не позже шести, я тебя наберу, и мы с ней поговорим».

- Понятно. Значит, пьяна была она. Сейчас мы закончим наш сумасшедший разговор, и я ее наберу.

- Кстати, она сказала: «Пусть не вздумает мне звонить сама. Ни в коем случае! Ни при каких обстоятельствах!». Елена, что случилось?

- Ты меня спрашиваешь?!

Из двери высунулся Митя. Увидев Елену, он кивнул и тут же скрылся обратно.

- Так ты приедешь? – спросил брат. – Интересно же. Может, опять ее муж на бабки попал? Может, она просто денег просить будет?

- Сколько времени? – спросила Елена.

- Да уже пять.

Кипя от злости (Гриша жил в Алтуфьево), она побежала на парковку. Села в свой «Мерседес», вырулила к шлагбауму. Охранник помахал рукой, когда она выезжала.

Дороги были забиты. Въехать в бок могли буквально каждую секунду. Машинально она отметила, что перламутровая девятка слишком уж послушно маневрирует вслед за ней, словно боится упустить из вида. «Для полноты сегодняшнего дня мне не хватало только подставы на дороге» - сердито подумала Елена. Машина у нее была не застрахована. Но девятка перестроилась в крайний ряд, видимо, собиралась поворачивать. «Никогда не надо думать плохо о людях, - Елена облегченно вздохнула. – Вот и наша Юля – хорошая девушка. А он сразу: «Денег будет просить»».

До Алтуфьево она добралась в пятнадцать минут седьмого. Открыла дверь Гришина жена Анжела с не-Гришиным ребенком на руках. Существовал еще и Гришин ребенок, но он жил с не-Гришиной женой. Вместо того чтобы поздороваться, Анжела зевнула. Только она закрыла рот, зазвонил телефон. Звонки были короткие, междугородние.

- Да, пришла, - сказал Гриша. – Как дела-то? А, понял. Сейчас позову.

- Лена? – Юлин голос доносился сквозь ужасные шумы и хрипы. – Ты меня слышишь?

- Очень плохо. Юль, давай я тебе перезвоню.

- Не надо, я не дома. Я у знакомых. Я не могла тебе позвонить, потому что... Потому что, думаю, тебя прослушивают.

- Что со мной сделают? Юль, говори громче!

- Тебя прослушивают. И меня прослушивают. Я дала подписку... Лена, они интересовались очень старой историей! Помнишь, ты приезжала прописку делать? Не помню, какой год. Они спросили, где ты жила в это время. Я сказала: в Москве. Они спросили, почему ты тогда в Омск за пропиской приезжала? Я сказала, что по благу тебе ее сделала. Вместе с новым паспортом и гражданством. Это ведь теперь не криминал? Кого эта ерунда может интересовать?

- Чушь какая-то.

- Что, не слышу?

- Чушь, говорю! Что еще они спрашивали? И кто они?

- Менты. Или КГБ-эшники. Я не разбираюсь. Но, скорее всего, КГБ-эшники – очень вежливые, культурные... Они постоянно спрашивали, где ты жила в то время. На чем приехала, откуда? У кого жила, пока была в Омске. Я сказала: у меня. «С кем встречалась? Был ли любовник в Омске?». А, еще вспомнила: они спросили, был ли у тебя в это время любовник в Академгородке, в Новосибирске.

- Что с тобой? – Гриша испуганно тронул ее за рукав.

- Я им говорю: вы с ума сошли! Столько лет прошло! Кто это может помнить? Они говорят: «А не рассказывала она про командировку в Новосибирск?». И еще: «Почему же она не была прописана в Москве, если жила там?». Я говорю: «У нее вроде какая-то временная была, в общежитии, что ли». «Ну как же, - говорят. – временная, если у нее квартира в Москве?». Я говорю: «У нее квартира гораздо позже появилась, да и в ту не сразу прописали». Они мне еще сказали: «Почему так странно обмен паспорта был оформлен: якобы по утере и, в то же время, фамилия заменена? Почему документы не сохранились?» Я им говорю: «А я-то при чем? Ну, потеряли там чего-то, не по моей же вине!» Лена, я уж и не помню, как мы тогда с тобой все оформляли! По-моему, я кому-то заплатила и все. Это десять лет назад было, Господи! Я вообще не помню, как тогда все делалось! Чего случилось-то, Лен?

- Понятия не имею!

- Ну ладно, Лен. Мне неудобно. Это ведь не мой телефон... Но я тебе ничего не говорила, хорошо? А то подписка все-таки. Черт его знает, такие времена наступают! Интересуются, кто где был прописан в девяноста каком-то году! Сумасшедший дом!

Елена положила трубку, села возле телефона, тупо глядя на стену.

- Ну чего, денег просила? – Гриша сел на корточках рядом с ней. – Судя по твоему виду, много. Опять в карты проиграл? Вот ухарь...

- Чайку поставь. – попросила Елена.

Брат ушел на кухню, она перевела дыхание.

«Кто-то интересуется тем, что я делала во время той злополучной остановки в Новосибирске одиннадцать лет назад. Ладно, – сказала она себе. – Это еще имеет какие-то объяснения. Предположим, что своими расспросами в Корчаковке я разворошила некое осиное гнездо. То есть убийство старика было, и кто-то понял, что я его видела... Какова должна быть его реакция? Я опасна для него. И что он тогда должен сделать? Ну... Убрать меня, скажем. Подкупить, запугать. А он что делает? Он выясняет, что я сама делала во время этих событий! Зачем?!»

Брат прошел мимо нее, испуганно косясь, но решил не отвлекать, закрылся в комнате.

«Начнем сначала. – Она даже жестикулировать стала от перевозбуждения. – Я приезжаю в деревню Корчаковку, некие заинтересованные лица понимают, что одиннадцать лет назад я видела убийство старика. Они начинают выяснять, кто я, находят водителя машины, потом обыскивают мой номер. Пока их действия нормальные. Дальше они должны убедиться, что за моими расспросами не последует никаких мер. Возможно, для этого они должны следить за мной, – она вдруг с неприятным чувством подумала о сегодняшней девятке. – Но зачем они допрашивают Юлю? Чтобы убедиться, что тогда, одиннадцать лет назад, я не проболталась об этом? Но если за одиннадцать лет никто этим убийством не заинтересовался, то уж, наверное, не проболталась! А если и проболталась, мне не поверили! И еще: история про командировку и, главное, про любовника из Академгородка – это дословная версия Нины Покровской. Значит, они и с ней уже поговорили? Я, дура, наврала одиннадцать лет назад, а она до сих пор помнит эту историю. Она и им ее рассказала. Да ведь и про Юлю с пропиской знала только Нина. А вот как они нашли саму Покровскую? «Нина Покровская, улица Орджоникидзе, восемь» - вдруг вспомнила она. – Я сказала это милиционерам в «Интуристе». Так это и правда милиция? Но, получается, милицию интересуют не жалобы старухи по поводу домов, а та история девяноста второго года?»

- Остынет, - шепотом сказал Гриша, высовывая голову в коридор.

Раздалось неприятное дребезжание. «Это я так дрожу?» – испуганно подумала она. Но это был мобильный.

- Але, - тихо сказала она.

- Елена Дмитриевна? Это Марина, ваша соседка по даче. Тут такое дело... Ваш дом обновили.

Глава 6. Тимур и его команда

Валуево – симпатичный коттеджный поселок в семи километрах от Москвы по Киевскому шоссе – за совхозом Московский, в стороне от трассы.

Когда Елена купила здесь участок, коттеджей еще не было – была деревенька на краю великолепного Валуевского лесопарка, по соседству с санаторием и старинной усадьбой. На краю дороги примостились также несколько пятиэтажных домов. Тогда еще никто не мог подумать, что именно эти жалкие хрущевки обещают невиданные блага тем, кто спустя восемь лет начнет застраивать соседнее поле. В хрущевках были все городские коммуникации.

За четыре тысячи долларов Елене достались двенадцать последних поселковых соток на краю поля. Ей понравился вид: с трех сторон луга, а за лугами сосны. Ужасной была только трасса: узкая двухполосная Киевская дорога, впадающая в не менее ужасную, раздолбанную и темную кольцевую. Дорога периодически перекрывалась из-за прилета и отлета правительственных делегаций. Рядом Внуково. Над головой постоянно шумели самолеты.

Это были явно выброшенные деньги. Сумма считалась небольшой, но Елена все равно расстроилась. Поверила тогдашнему любовнику, риэлтору. «Это ведь копейки, Лена! – убеждал он ее. – Одна поездка в Таиланд! А семь километров от Москвы по определению не могут быть плохим вложением. И обрати внимание на эти пятиэтажки». «Уже обратила, – хмуро говорила она. – Очень даже мерзкие пятиэтажки». Допущенная ошибка стала так раздражать, что Елена вообще постаралась забыть о своих двенадцати сотках на краю поля.

С риэлтором они к тому времени расстались. Она ехала от него в последний раз, с удовольствием думая, что развязался давно надоевший узел, что парня жаль (он ее искренне любил), но все-таки они чужие, она смотрела в окно такси, а вокруг что-то шумело, тарахтело, таксист то и дело сворачивал, матерясь – она только удивилась мимоходом, что идут такие поздние дорожные работы – тогда еще к этому не привыкли. А ведь это одевалась в бетон, расширялась Московская кольцевая.

Спустя два года Елене пришлось извещение о необходимости привести в порядок купленный участок или расстаться с ним. Она съездила в свою деревеньку, провела пару часов в сельсовете, убедилась, что извещение – липа, обыкновенный развод, постояла на своем участке, наблюдая за рытьем каких-то траншей. Они шли от пятиэтажек к ее полю.

Стояло бабье лето, в траве еще кто-то трещал и тенькал, воздух был совсем прозрачным, небо – ясным, только над лесопарком застряли несколько круглых облачков. Сосны неподвижно стояли на краю поля, Елене были хорошо видны их рыжие солнечные стволы.

Солнечный денек окончательно примирил ее с Валуево. Отбившись от требований сельсовета, она вдруг страшно захотела иметь здесь дом.

Возможно, это желание подстегнул тот факт, что у нее завязывался роман с одним деловитым подрядчиком, сколотившим несколько строительных бригад и промышленным возведением домов в Подмоскowie.

Когда дом был почти закончен (он обошелся очень дешево – подрядчик оказался не жадным, кроме того, был приезжим, холостым и, может быть, надеялся, что строит дом для себя), так вот, когда уже вставляли окна, выяснилось назначение тех самых траншей – это были газ, канализация и центральный водопровод.

А дальше все завертелось с бешеной скоростью: поползли асфальтовые улицы, по их краям затемнели котлованы, потом выросли первые этажи, вторые, появились крыши, башни, домики для охраны. Единственный Еленин сосед – алкоголик – исчез за одну ночь вместе со своим домом. В памяти у нее осталось ощущение, что новый особняк на этом месте вырос тоже за одну ночь. Но, конечно, это было не так. Просто, она редко ездила в свой загородный дом – в тот период у нее было много работы.

Очень скоро застроили все, кроме ее поля. Оказалось, что под ним идут во Внуково важные кабели, и, несмотря на то, что все вокруг изменилось, вид из окна у нее остался прежним: стрекочущий луг и сосны вдалеке.

...Когда Елена добралась до Валуева, было совсем темно. Соседка Марина по ее просьбе вызвала милицию, и та, видимо, уже приехала – ворота были распахнуты, во дворе стоял «Жигуленок». Елена оставила машину на улице, вошла в темный двор (фонари не горели) и сразу споткнулась обо что-то. «Черт» – она пнула ногой камень, не известно откуда взявшийся на мощеном дворе, и снова ударилась ногой. «Успокойся!» – твердо сказала она себе.

Действительно, милиция уже находилась в доме. Была даже овчарка. Она, впрочем, лежала на ковре и грустно смотрела на лежащие рядом сосиски.

- О, Господи, - сказала Елена. – Сосиски-то откуда?

- Из холодильника. – невозмутимо ответил лейтенант.

- Так пусть она их ест!

- Ей нельзя. Она на работе.

- Елена Дмитриевна! Здравствуйте! – это была соседка. Она встала из кресла, подошла, ободряюще пожала Еленину руку. – Вот вандалы! Видели, как все разбросали? Хулиганье. Это, наверное, ваши рабочие забыли дверь закрыть.

- Какие рабочие? – спросила Елена. – У меня нет никаких рабочих.

В общем-то, серьезным ворам красть у нее в доме было нечего. Комнаты были обставлены неплохо, но и недорого. В последний год Елена накупила плетеных вещей, сундуков, шведских лоскутных ковриков. Но она, конечно, понимала, что для подмосковной шпаны и телевизор – состояние, не говоря уж о видеомагнитофоне, печке СВЧ или старом компьютере.

- Технику, наверное, украли? – предположила она и тут же увидела телевизор. Он был лишь немного сдвинут со своего места. Его, как занавес, прикрывал лоскут отклеившейся обоеины. «Это что за новости? – подумала она. – Не поднялись ли воды?». У Валуева был один крупный недостаток – очень сырая почва. В некоторых коттеджах даже пришлось закатать цокольные этажи, чтобы не разорвало стены. Все они тут были настороже, как венецианцы.

- Бутылки пустые не валяются? – крикнул лейтенант кому-то, находящемуся в кухне.

- В холодильнике стоят две бутылки вина, почти полные. Их не тронули. – ответил ему бас.

Елена двинулась на кухню. Здесь царил полный разгром – шкафы распахнуты, даже холодильник открыт. Некоторые продукты валялись на полу. «Дежа вю! – подумала она. – Это надо же – два ограбления за месяц!».

В сопровождении пожилого милиционера, она прошла по трем другим комнатам, заглянула в кладовку – везде было, как после землетрясения, но, вроде бы, ничего не украли. Затем они вернулись в гостиную.

- Наркоманы, - сказал пожилой, вытирая потное лицо. – Как они уже задолбали!

- Наркоманы? – переспросил лейтенант и усмехнулся. – Скорее, тимуровцы. Огород-то они зачем перекопали?

- Как это перекопали? – похолодев, спросила Елена.

- А вы не видели?

- Темно, - пояснил пожилой. – Мы-то немного раньше приехали, а сейчас полная темень... И тротуарная плитка взломана.

«Вот, обо что я спотыкалась!» – ни слова не говоря, она прошла в коридор, включила фонари над входом и на доме, вышла во двор.

Он представлял собой ужасное зрелище. Все кустарники валялись кверху корнями, пласты газона были свалены в углу участка, дорожки бугрились, многих плиток не доставало. «Да что за чертовщина!» – сказала она вслух.

Мимо проехала машина. Шум стих. Елене показалось, что машина остановилась где-то неподалеку.

Зашуршала трава. Появилось неприятное ощущение, что кто-то стоит у забора и смотрит в щелку. Впервые в жизни она пожалела, что дом не окружен надежными богатыми коттеджами, а выходит в пустое темное поле. Сил подойти к воротам и проверить, где стоит проехавшая машина, не было.

Она вернулась в дом. Разговаривавшие до этого милиционеры смолкли при ее появлении. Пауза становилась тягостной.

- У вас конопли на участке не было? – наконец, спросил лейтенант. – Или, может, мака?

- Какой конопли! – возмутилась соседка. – Трава росла, шиповник, малина. Запишите мои показания, а то сейчас навешаете!

- Нет, конопли не было, - устало сказала Елена. – И мешки с кокаином я под тротуаром не прятала.

- Зря обижаетесь. Бывает, что выращивают, так, для смеха. А наркоманам не смешно, когда ломка...

- Марина, - сказала Елена. – А вы что, не видели, что на участке делается?

- Так вот я сейчас и рассказываю милиции. Разумеется, видела. Я даже разговаривала с ними. Они приехали на фургончике импортном, достали аппаратуру. Увидели меня, говорят: «А, здравствуйте! Елена Дмитриевна предупредила, что у нее очень приятная соседка. Простите заранее извиниться – мы уж тут пошумим немного».

Голова у Елены закружилась.

- Я вначале решила, что у вас что-то с канализацией или с водопроводом, - продолжила Марина. – Но они говорят: «Елена Дмитриевна наняла ландшафтного дизайнера. Будем делать очень красивый садик. Речку проведем, мостки сделаем, заборчик в старорусском стиле. Ивы плакучие посадим». Именно такой у них был словарный запас. Ну, не придерешься, Елена Дмитриевна! Культурные люди! И в дом они легко вошли, я так поняла, вы им ключи оставили.

- Нет, дверь открывали не ключом. Царапины все-таки есть. Но инструмент был профессиональный. – сказал пожилой. Марина глянула на него, снова перевела взгляд на Елену.

- Уже когда сумерки начинались, они свои лопаты собрали, стали в фургон грузить. Я подошла к воротам: смотрю, много они за день успели. Спрашиваю: «Вы завтра приедете?». Они говорят: «Обязательно». И еще главный у них, невысокий такой, дает мне визитку – представляете! Говорит: «Если вам понравится, то звоните, мы и вам садик организуем». Да вот она!

Она достала из кармана визитку с золотым обрезом. Вначале ее изучил пожилой, потом лейтенант, потом взяла в руки Елена. На визитке было написано: «Ландшафтный дизайн. Продажа взрослых деревьев и кустарников. Альпийские горки. Уничтожение Комаров» и стоял московский телефон 196 – 84 - 00. «Как они уважительно – о комарах. - подумала она. – С большой буквы... А номер легкий. Год и месяц моего рождения».

- У вас есть мобильный? – спросил лейтенант.

Она протянула свою трубку.

Пока он набирал номер, все затаили дыхание.

- Если это офис, то уже поздно звонить, - прокомментировал лейтенант, вслушиваясь в гудки, и тут же оживился. – Здравствуйтесь! Меня интересуют ландшафтные работы. Ландшафтные! А куда я попал? Квартира. – сказал он, возвращая Елене трубку. – Чего и следовало ожидать...

- Я продолжу? – Соседка снова оживилась. – Эти ребята уже уехали, стемнело, и тут я смотрю, у вас свет горит. Ну, как обычно. – (Единственной защитой от воров был приборчик, включающий в девять вечера электричество на кухне). – А я как раз у окна стояла. И вдруг смотрю: уж очень у вас все в доме разбросано. Еще подумала: «Вроде фирма солидная, а все

равно свиньи. Вот так и пускай их без присмотра», и, знаете, почему-то сердце екнуло. Я взяла бинокль и тогда увидела, что даже продукты на полу валяются. Думаю, может, они забыли дверь запереть и в дом хулиганы влезли? Позвонила вам. Ну а вы, видите, даже понятия об этих дизайнерах не имеете!

- М-да, - вздохнул пожилой. – Елена Дмитриевна, а вы хоть представляете, сколько стоят такие работы?

- Ландшафтные?

- Нет, не ландшафтные. А имитирующие ландшафтные... Давайте начистоту? Если это не хулиганы и не наркоманы, а это не хулиганы и не наркоманы, то это серьезные ребята. Что они искали у вас в доме? Какая такая находка могла компенсировать такие масштабные приготовления?

- У меня антикварный компьютер, - зло сказала она. – Может, он?

- Может, ошиблись домом? – робко предположила соседка.

«Опять дежа вю» – подумала Елена.

- Такие серьезные ребята не ошибаются домами. – возразил лейтенант.

- После вашего рассказа, - пожилой кивнул Марине. – У меня все встало на свои места. То, что раньше вертелось на языке, но я не мог правильно сформулировать... Здесь не разбрасывали, не пили, здесь искали. Понимаете? Искали! И во дворе искали... Вы не хотите проверить, на месте ли то, что вы спрятали?

Словно во сне она подошла к телевизору, отодвинула его, резко дернула за висящую обои. Та только напряглась, натянулась, но не порвалась и не отвалилась. «Нет, это не вода, - подумала она. – Обои приклеены крепко. Ее специально оторвали». Она очень спокойно выдвинула ящик под телевизором, достала ножницы, отрезала обои на уровне своей макушки.

Показалась оштукатуренная стена и деревяшка в ней. Деревяшка была задвинута неровно, но крепко.

- Помогите, - попросила она лейтенанта. Он беспомощно оглянулся на пожилого.

- Надо брать отпечатки пальцев. – сказал тот.

- Нет. – возразила Елена. – Это не имеет никакого значения.

Она сама стукнула по деревяшке кулаком. Та поддалась и вывалилась на пол. За деревяшкой оказалась ниша. Она была пуста.

- Много украли? – шепотом спросила Марина.

- Что здесь хранилось? – это был голос пожилого.

Елена стояла и задумчиво смотрела на кирпичную нишу.

- Что здесь хранилось, Елена Дмитриевна? – повторил пожилой.

- Ничего не хранилось, - сказала она. – Никогда и ничего... Когда строили дом, мне посоветовали сделать тайник в стене. Но мне нечего было здесь хранить. Эту нишу я просто заклеила обоями и никогда о ней больше не вспоминала... Но дело не в этом, а в том, что вы правы. Здесь искали... И искали очень профессионально: они запросто нашли этот тайник, вскрыли его... То есть они искали именно то, что люди обычно прячут в тайниках... Что же это?

- Кто кого допрашивает? – спросил пожилой.

- А я думал, сейчас картину какую-нибудь найдем! Какой-нибудь «Черный квадрат» – разочарованно сказал лейтенант.

- Знаете, мне вдруг захотелось курить, - призналась она. – Хотя я никогда не пробовала... Ведь в чем беда: в том, что у меня нет и никогда не было ничего такого, что люди хранят в тайниках!

- Елена Дмитриевна, а вы ведь журналистка, - испуганно сказала соседка. – Никакой такой темой вы не занимались?

- Марина, весь последний месяц я снимала миролюбивого и богатого борова на берегу водохранилища! Потом я делала фильм про этого борова. И вообще, я больше пяти лет работаю на этого борова. Понимаете?

- Тогда это, действительно, ошибка, - сказал пожилой. – В конце концов, никто от ошибок не застрахован, даже бандиты.

- Ну, на бандитов они совсем не походили! – сказала Марина. Что-то странное послышалось Елене в этих словах. Она хотела развить тему, но слишком устала от впечатлений. «Потом» – подумала она.

Из дома вышли все вместе. Милиционеры двинулись к машине. Пока она возилась с ключами, услышала, как пожилой сказал лейтенанту: «Темнит что-то... Я вот думаю, а надо ли нам ввязываться? Это не ФСБ ли?».

Соседка стояла с виноватым видом внизу лестницы.

- Надо было, наверное, догадаться, - сказала она.

- Как тут догадаешься? – вздохнула Елена.

- Ну, в общем-то, урон не такой уж большой, правда?

«Урон – это последнее, о чем я сейчас думаю» – хотела сказать Елена, но решила не впутывать соседку в свои проблемы.

- Жаль, что визитка липовая, - пошутила она. – Как раз ландшафтные работы мне сейчас и потребуются...

Домой она добралась в первом часу. Идти от стоянки по темному двору было страшно, даже несмотря на то, что рядом ободряюще шумел Ленинский проспект. Консьержка тоже была на месте, хотя и спала на кушетке в глубине своей комнаты.

Елена долго не могла решить, что правильнее: идти пешком или ехать на лифте. В лифте предстоял жуткий момент выхода на свою лестничную площадку, зато на лестнице были страшные повороты, когда не видно, что там дальше.

«Хоть тут ночуй!» - ей хотелось плакать.

Она пошла по лестнице. Тут же кто-то двинулся ей навстречу. Она не могла определить, с какого этажа началось это движение, не было ясно также, кто это: мужчина или женщина. Из-за громовых ударов сердца она почти ничего не разбирала.

«Надо бежать вниз. – подумала Елена, опершись о стену. – А может, наоборот, рвануть к нему навстречу, чтобы, наконец, закончился весь этот сюрреализм?». Шаги, между тем, стихли. По стене резко прыгнула тень.

- Как вы меня напугали! – сказал женский голос. – Я думаю, кто это крадется? У меня аж сердце из груди выскакивает!

На следующем пролете стояла девушка, живущая на четвертом этаже – как раз под Елениной квартирой. Она перегибалась через перила и тревожно вглядывалась вниз.

- Вам случайно не плохо?

- Голова закружилась, - сказала Елена.

- Это давление. Сегодня магнитные бури. А я парня своего жду – он за сигаретами к метро пошел. Куда делся, идиот? Опять, наверное, у автоматов застрял...

Елена была готова слушать эту речь бесконечно. Но она добралась до квартиры, включила свет, не закрывая входную дверь («Если что, закричу, она прибежит на помощь»).

Ложиться в спальне не решилась – перетащила постельное белье в большую комнату, зажгла настольную лампу и даже включила телевизор. Елена думала, что промучается до утра, но усталость взяла свое – она быстро задремала.

Ей снились какие-то горы, которые быстро сменились оживленной улицей со зданием, похожим на цирк. От здания шли мостки, но они уходили не в воду, а в траву. Внезапно Елена поняла, что находится в деревне Корчаковке, только теперь она окружена скалами и похожа на чеченский аул. Вдруг скалы треснули, мостки рухнули в траву, вслед за ними куда-то вниз

упало сердце. Елена открыла глаза. Телевизор продолжал бормотать: шел ночной выпуск новостей. Рука затекла, и по телу бегали мурашки.

Ей больше не было страшно. Словно за десять минут, что она дремала, мозг стер информацию об испуге, пережитом в загородном доме и здесь на лестнице. Она выключила телевизор и заснула...

Глава 7. Адвокат дьявола

За ночь погода резко изменилась. Небо посерело, в стекла забарабанил дождь, октябрь мрачно глянул на Москву, как бы говоря: «Это еще что. Будет и ноябрь».

- Эх, жалко, что эти тимуровцы не опоздали всего на денек, - подумала Елена, стоя с чашкой кофе у окна. – Копались бы сегодня в грязи на моем огороде, под дождем... Уничтожение комаров...

Она быстро допила кофе, надела сапоги, плащ, вышла из квартиры, побежала на стоянку.

Как всегда, изменение погоды привело московских чайников в состояние, близкое к ступору. Дороги встали намертво. Единственный дворник «Мерседеса» работал, как сумасшедший. Какой-то паренек на «Опеле» весело подмигнул ей. Паренек был страшенький, но все равно было приятно – даже настроение улучшилось.

«Всеволод Нирознак, - сказала радио. – Сильное землетрясение произошло сегодня на Алтае. В эпицентре сила толчков достигла семи баллов. Это самое сильное землетрясение в этом регионе за все время наблюдений. Толчки ощущались даже в таких городах, как Кемерово и Новосибирск. Глава МЧС Сергей Шойгу вылетел...».

- Надо же, - удивленно произнесла Елена, переключаясь на музыку. И вдруг вспомнила свой сон. Здание, похожее на цирк, было новосибирским оперным театром, горы – получается, Алтайскими горами, а трещины на них – получается, землетрясением. «Это что же, у меня проснулся дар предвидения? – спросила она себя и даже загордилась немножко. – Или, может, крыша от переживаний поехала?»

Делать в пробке было нечего, и она стала размышлять: «Я заснула под телевизор... Очевидно, в ночных новостях об этом уже передавали... Да, все верно. Вот откуда этот сон! Бывают же на свете решаемые загадки!» Эта маленькая победа очень обрадовала ее. Может, и остальные загадки последнего месяца имеют решение?

Словно почувствовав ее новую энергию, машины резко поехали. Оказывается, впереди была авария. Две несчастных иномарки оттащили на обочину, затор стал рассасываться. «Ты целуй меня везде, я ведь взрослая уже!» – пропела она, и тут увидела в боковом зеркале перламутровую девятку. В этом, конечно, не было ничего странного – мало ли перламутровых девяток в Москве! – но теперь Елена ехала, не спуская с нее глаз. Девятка иногда перестраивалась, в том числе в крайние ряды, из которых можно было только поворачивать, но затем, нарушая правила, двигалась прямо. В какой-то момент Елене показалось, что человек в девятке почувствовал ее взгляд – он вдруг ушел вперед. «Что ж, - сказала она. – Либо я ошибаюсь, и ты не при чем. Либо ты, тимуровец, уже хорошо знаешь, куда я еду, и тогда мы с тобой встретимся»...

...Девятка стояла за квартал до здания телекомпании. В ней никого не было.

Телекомпания, в которой Елена работала с момента ее основания, занимала один этаж симпатичного особняка, деля его с другими фирмами, принадлежащими Александру Сергеевичу Лежаеву. По виду это был настоящий скворечник. Весь фасад облепили разномастные вывески, многие из которых сильно устарели.

Дело в том, что Лежаев был по натуре своей скупердай. Он органически не мог избавляться даже от тех бизнесов, которые перерос. Он их просто уплотнял. Так, фирма «Шторы и ламбрекены», занимавшая ранее два этажа, переехала в тесную комнатку в подвале. Туристическая компания «Лё Гран Вояж» забралась под самую крышу, к мужскому туалету. Здесь торговали индивидуальными турами и дорогими направлениями, типа Сардинии и Сейшел, но вид у офиса был очень непрезентабельный. Дела у фирмы шли не шатко и не валко, но все-таки шли: Елена часто встречала на лестнице тяжело сопящих граждан в великолепном кашемире: с их пузами нелегко было подниматься по мелким ступенькам особняка.

И шторный, и туристический, а заодно и косметологический («Краса Плюс»), и цветочный («Лё Гран Букет») бизнесы отмечали вехи становления Лежаевской жены: от домашней хозяйки к бизнес-леди, а затем обратно в домашние хозяйки. Так она самоутверждалась. Все эти шторы, Сардинии и уколы ботокса были ее игрушками. Лежаева была классической новорусской женой. У нее имелась даже собственная песня с клипом, но, поскольку и то и другое делала их телекомпания, крутить их по центральным каналам было невозможно. Клип крутили по собственному кабельному телеканалу, зато крутили часто. Лежаевская жена в клипе загадочно шурила глаза, ее длинные белые волосы красиво развевались, а изъяны талии скрывал корсет с боковой шнуровкой. Песня, как ни странно, была не про любовь, а про красоту среднерусской природы. Страсть к упоительным вечерам была у Лежаевых семейной.

Впрочем, любовь к супруге, несомненно, имевшаяся в сердце Лежаева, не была основной причиной для покупки всех этих небольших фирм. Главный мотив был меркантильный: Лежаев все время включал компании в какие-то хитрые схемы, что-то через них прокачивал, что-то проводил. Он постоянно находился в курсе самых модных махинаций, поэтому прямое назначение фирм было для него делом десятым. Иногда Елене казалось, что Лежаев вообще не разбирается в бизнесе: настолько бредовыми были многие его действия. Они противоречили всем законам целесообразности, но целесообразность, конечно, была – просто, она была другой, жульнической. Лежаев даже умудрялся импортировать свои гран-букеты в Голландию, чтобы вернуть налог на добавочную стоимость. Понятно, что для этого не нужно было разбираться в цветах: все равно они не покидали пределов родины, никому не продавались, да и вообще, вряд ли существовали.

Как только государство устанавливало льготы для какого-нибудь вида деятельности, этот вид деятельности немедленно появлялся у них в особняке. После того, как льгота отменялась, фирма приходила в упадок. На ее этаже быстро облупливалась штукатурка, телефоны отключали за неуплату, большая часть сотрудников уходила по собственному желанию. А вот вывески Лежаев жалел. Так и сияли они на весь переулок, когда на Москву опускался вечер.

Возможно, их телекомпания тоже была открыта ради каких-то льгот. Но, скорее всего, это было сделано для понтов. А в общем, Лежаев был не худшим хозяином. Не худшим директором был и Митя.

Елена втиснулась в зазор между тугой дверью и стеной, кивнув при этом вахтеру, миновала предбанник, прошла по первому этажу. Здесь делался ремонт. Судя по латунным вывескам, готовили новые перестановки. Раньше ей всегда было любопытно, на чем зарабатываются деньги, но теперь уже она запуталась. Мог быть, к примеру, частный пенсионный фонд «Вечер жизни» или лучше «Упоительный вечер жизни». Равнодушие государства к таким налоговым махинациям удивляло даже ее – женщину независимую и небедную.

На своем этаже, в коридоре, Елена сразу столкнулась с Митей, но поговорить опять не удалось. Увидев ее, он вдруг всплеснул руками, словно что-то вспомнил, и, резко развернувшись, убежал в кабинет.

На всякий случай она зашла в монтажную.

- Закончила?

- Да. Лежаев приходил, смотрел. В восторге. Тебя вспомнил. «Вот, - говорит. – лентяйка! До сих пор не на работе?» Опять тебе хочет... вставить... - Маша захихикала. Эта фраза стала у них популярной.

- Не требовал, чтобы меня уволили?

- Нет, что ты! Наоборот, сказал, что в мире все так и устроено: либо талантливый, либо трудолюбивый.

- Ну, это ерунда.

- Да нет, он в том смысле, что некоторые талантливые за полчаса сделают столько, сколько дураки за год не успеют. Он, знаешь, питает слабость к творческим людям. Он и на Митины левые заработки внимания не обращает поэтому.

Митя у них прикарманивал рекламные деньги – если клиент был свой, брал наличными. Кроме того, он пускал в новости сюжеты, оплаченные отнюдь не через бухгалтерию. Считалось, что Лежаев в этом не разбирается.

- А Митя что-нибудь говорил по поводу моего опоздания? Уволить не грозился?

- Ты чего выдумываешь-то? Когда у нас за такое увольняли?

Все-таки она вышла из монтажной в сомнениях. «Что за странное поведение? Когда у него проблемы, он может отмалчиваться, но тут ему явно неприятно со мной видаться. Словно он планирует сделать мне пакость... Или уже сделал ее... Уже сделал... Не может быть!»

Она быстро прошла по коридору, отодвинула всполошившуюся секретаршу, специально посаженную на отдельном стуле без стола, ворвалась в кабинет.

Митя сидел, положив ноги на стол, и смотрел телевизор. Не свой, между прочим, канал.

- Совсем я вас, народ, разбаловал! – лениво отозвался он на ее появление. – Врываешься, как на рынок.

- Что за дурная метафора! Разве на рынок врываются? Митя, ты ничего не хочешь рассказать?

- Абсолютно ничего, – он безмятежно поглядел ей в глаза.

- Удивительно! Моя забитая омская сестра, которая боится не только милиционеров, но даже и воспитателей в детском саду, даже она, наплевав на подписку о неразглашении, звонит мне с явочного телефона, чтобы предупредить: «Тобой, Лена, интересуется милиция или КГБ!» А ты, отважный московский журналист, мой друг последние десять лет, ты, прекрасно знающий, что в Новосибирск я поехала по твоему заданию, дрожишь после первого допроса!

- Это истерика? – поинтересовался он. – Что ты называешь допросом?

- Разговор, который провели с тобой насчет меня.

- Ты называешь это допросом?

- И все-таки?

- Я, Лена, не хочу лезть в эти ваши денежные дела. Тем более, что давным-давно дал себе клятву: никогда и никого не судить!

- Денежные дела? – переспросила она с глупым видом. – Тебя допрашивала милиция?

- Почему милиция? Нет.

- Я имею в виду бандиты, косящие под милицию.

- Ну уж нет! – возмутился он. – И вовсе не во множественном числе. Приходил дядечка. Очень солидный, в шикарном костюме. Если он и имеет какое-то отношение к юриспруденции, то, скорее, как адвокат. Да, адвокат.

Она села в кресло напротив.

- И что он говорил?

- Говорил, что у тебя была история, еще в Омске, какая-то финансовая афера, а теперь все раскопали... Я спросил: «Разве нет срока давности по таким делам?», он очень тонко улыбнулся: «Вы имеете в виду закон? Есть ведь и частные лица, которые не обращают внимания на сроки давности!» Изысканный дядечка.

- И что же он хотел?

- По-моему, узнать, платежеспособна ли ты на сегодняшний день. Он сказал, что долг небольшой, но лучше будет его отдать, тем более, что ты и твои партнеры очень некрасиво поступили.

- Какие партнеры?

- Я так и спросил: «Какие? Челночные?» Он так неопределенно кивнул... Знаешь, я ему ничего лишнего не сказал. Я ведь и правда не знаю, как ты это все заработала.

- Как это не знаешь?! – закричала она. – Ты прекрасно знаешь, что я ездила в Индию и Таиланд, потом торговала в Лужниках, но главные деньги – на квартиру – я заработала благодаря твоему брату, который взял меня в свой бизнес. Я заработала бы в два раза больше, но бизнес разорился.

Митя покраснел, и она вдруг поняла, чего он боялся: что она переведет стрелки, и этот неведомый адвокат в итоге станет требовать долг с него и его брата.

- Митя! – тихо сказала она. – Это такие старые времена и нравы, что об этом даже смешно говорить. Он врал тебе! Его интересовала моя жизнь в тысяча девятьсот девяносто втором году.

- И это было, – согласился он. – И именно потому, что он был неплохо осведомлен о твоей жизни, я и решил, что это официальное лицо или старый приятель. Или представитель старого приятеля... А ты считаешь, что он меня развел?

- Ну, если учесть, что никаких финансовых афер в моей жизни не было, как и партнеров в челночных делах, что никому я ни копейки не должна, то да, вынуждена признать: он тебя развел.

- Но зачем?

- А что он спрашивал, поконкретнее?

- В общем-то, странные вопросы... Где ты жила в начале девяносто второго года. Я говорю: вроде, в Москве... Ты извини, – спохватился Митя. – Но мы и правда познакомились в конце девяносто второго! Помнишь? После моего первого развода? У тебя еще такая подруга была, как же ее звали?.. Вероника! – он вдруг мечтательно сощурился. – Ох, и буфера у дамочки были! Невероятные какие-то! Где она теперь, интересно? В порнофильмах снимается, не иначе...

- Митя!

- Да, в конце девяносто второго. Ты в нашу многотиражку пришла... Потом я тебя с братом познакомил... Лучше бы я тебя с ним не знакомил!

- Я же объяснила: мы в расчете. Я очень хорошо заработала. И в отличие от преследующих меня идиотов, я не интересуюсь доисторическими событиями.

- Преследующих тебя идиотов? Подожди, ты намекаешь, что его визит связан с твоей поездкой в Новосибирск? И с обыском в твоём номере?

- Не намекаю, а кричу! И еще он связан с тем, что вчера разнесли мой загородный дом!

- Я тебе не верю. – твердо сказал Митя.

- Ну как не веришь?! Тебе дать телефон валуевского отделения милиции?

- Нет, в то, что твой дом разнесли, я верю. Я не верю в твою версию. Извини, но это как раз больше похоже на месть кредитора.

- Хорошо, – Елена вздохнула. – Пусть это будет кредитор, который последнее десятилетие провел в коме. Пусть так! Об этом мы поговорим позже. Доскажи про его визит.

- Он спросил, уверен ли я, что ты жила в это время в Москве. Ведь у тебя не было прописки. Никто, по большому счету, не знал, что ты здесь делала...

- Бедствовала...

- Он намекнул, что ты жила в другом месте. Скажем, в Омске. Или в Новосибирске... Да, в Новосибирске. – он озадаченно посмотрел на нее.

- Пока ничего денежного, нет?

- Ну, я ему сказал, что стал общаться с тобой чуть позже. Рассказал про брата... В общих чертах. Он спросил: «Так это и был ее партнер, который потратил наши деньги? Он жил в Новосибирске?» Я сказал: «Нет, брат жил в Москве и занимался другими делами». «А она чем занималась?» Я рассказал. А он усмехнулся: «Как у вас все просто! Съездила в Таиланд, вот тебе и квартира, вот и дом загородный, вот и машина! Не-ет, так не бывает». Но это он как бы себе сказал. Я решил: это ваши дела. Вот и все! Кстати, он еще меня про твою личную жизнь расспрашивал. Есть ли у тебя влиятельный любовник или вообще какой-нибудь любовник.

- И что ты сказал?

- А я не знаю! – он немного смущенно посмотрел на Елену. Митя не был уверен, есть ли у нее любовник. Точнее, был почти уверен, что нет. Это ему не нравилось: он считал Елену слишком привередливой. Всех его товарищей она отвергла почти сразу. Это обижало.

- Ты сказал, что не знаешь?

- Я сказал, что любовник есть, но я его не знаю. Он спросил: «А как можно узнать? Сколько ему лет, например? Где он живет?»

- Зачем же ты сказал неправду?

- А разве у тебя нет любовника?

- В данный момент нет.

- Ну, в данный момент нет, а завтра появится! Потом, ты такая интересная мадам, отсутствие любовника звучит как-то неправдоподобно...

- Знаешь, Митя, – она помолчала немного, потом переехала вместе с креслом поближе к нему, налила себе сока, но пить не стала. – У меня ощущение, что я сошла с ума... Или что реальность сдвинулась... Так бывает: какой-то пустяковый разговор, но после него все идет вкривь и вкось... Я тысячу раз прокручивала в голове свои расспросы в Корчаковке. Был алкаш, он удивился, что у них в деревне кто-то утонул. Были свекровь с невесткой, которые тоже утверждали, что никто не тонул и не пропал. Я ведь как думала: что я их напугала своим интересом к пожилым людям и их домам. Ну, приняли они меня за мошенницу, ну позвонили в милицию, ну оказалась новосибирская милиция добросовестной. Но ведь последние события – это ни в какие ворота! Это ведь какой размах, страшно подумать! – она стала загибать пальцы. – Бандиты, утверждающие, что они из милиции и допросившие водителя – раз, тот, кто рылся в моих вещах в гостинице – два, человек в перламутровой девятке, который висит у меня на хвосте несколько дней – три, КГБ-эшники, взявшие с моей омской сестры подписку о неразглашении – четыре, – он ошарашенно смотрел, как заканчиваются пальцы на ее левой руке. – Изысканный адвокат, приходивший к тебе – пять, ну и целая бригада ландшафтных дизайнеров, вскопавшая мой огород – шесть. Во имя чего?! Реальность сдвинулась после моего разговора со старухой в Корчаковке! Но каков уровень этой старухи, что она им наговорила, если люди пошли на такие траты сил и средств?!

Несмотря на изумление, он засмеялся.

- Мало ли какие старухи бывают... Матери высших лиц государства...

- Ага. Скажи еще, их любовницы... В Корчаковке!

- Какое-то объяснение должно быть. – он вздохнул. – Тут в твоём перечислении промелькнул намек на милицию. Это были все-таки бандиты или люди, похожие на бандитов?

- Я думаю, это милиция.

- Почему?

- Потому что старуха просила дочь позвонить в милицию, потому что мимо охраны гостиницы мог спокойно пройти милиционер, и главное, имя и адрес своей новосибирской подруги Нины Покровской, от которой, собственно, и пошла вся эта путаница с вымышленным любовником, я называла только милиции, которая осматривала мой ограбленный номер в гостинице.

- Вообще-то, я тоже подумал сначала, что дядечка из милиции, потому и стал с ним разговаривать... – Митя отчего-то смутился, даже лицо пошло пятнами. – Потом... решил, что это все-таки частное лицо. А сейчас снова думаю, что ты права... Ну, чудеса! Это, должно быть, гигантская разработка?

- Должно быть.

- Смотри-ка, есть еще порох в пороховницах, – почти удовлетворенно произнес он. – Могут еще.

- Не знаю, чему ты радуешься. Я наоборот, как представляю, сколько государственных средств тратится, так мне плакать хочется!

- Вот, что я тебе посоветую, - он убрал ноги со стола, сел прямо. – Помнишь Андриевского, чьего-то там заместителя из службы собственной безопасности МВД? Ты о нем сюжет делала. Съезди, он неплохой мужик. Объясни все, посоветуйся. Хочешь, я ему позвоню? А вдруг это вообще незаконно? Бывают же эти – оборотни! Может, тут совсем другое: скажем, интерес к твоему имуществу? Накрутят, наврут, потом подпишут на себя дом, квартиру и скажут, что так и было. Мол, старые долги.

Митя воодушевился. «Слабоватая версия, - подумала она. – В дом-то зачем лазили?»

Но его поддержка сильно ее успокоила. Было приятно, что кто-то взял на себя хотя бы крохотную часть тревог. «Все-таки хорошо, когда рядом есть мужик. – грустно подумала она. – Пусть даже такой как Митя. Получается цитата из фильма про Лежаева: «Наверное, это современно и правильно – равноправие полов... ». Несмотря на плохое настроение, она улыбнулась.

Съемок у Елены сегодня не было: в обычный день она бы покрутилась немного для вида, а потом бы слиняла. Но сейчас возвращение домой, в одиночестве, не казалось ей заманчивым.

Пока она пила в кофе в комнате новостей, Митя дозвонился до Андриевского. Видимо, очень хотел, чтобы забылось его маленькое предательство.

- Завтра в двенадцать. Вот адрес. – он протянул листок и вдруг улыбнулся. – В двенадцать, как назло, Лежаев придет тортом нас угощать. Просил, чтобы ты была. Чего соврать?

- Может, не заметит?

- Да нет, он, наоборот, что-то стал к тебе равнодушен после поездки.

- А завтра чего хочет? – задав этот вопрос, она поняла, что поступила неразумно.

- Вставить! – хором сказала вся служба новостей...

...Девятка стояла на месте. Когда Еленин «Мерседес» выруливал с обочины, у нее зажглись задние фонари.

- Завтра мы с тобой на Лубянку поедem, - сказала Елена, пристегиваясь.

Глава 8. В отсутствие памятника

Служба собственной безопасности оказалась вовсе не на Лубянке, хотя тоже в центре – на Большой Серпуховской.

На разговор генерал Андриевский согласился охотно. «За жизнь? – переспросил он Митю и засмеялся. – Ну, за жизнь так за жизнь. Я на любые темы, Митя, готов разговаривать. Тем более, с хорошим человеком».

Елене хотелось знать, как поведет себя ее преследователь, увидев, что она едет в УВД, но девятка пропала. Очевидно, в наблюдение включилась другая машина.

...Помощник генерала уже ждал ее. Они прошли по коридорам с высокими потолками, поднялись на четвертый этаж, остановились у бордовых дверей, похожих на школьные. «Пройдите» – помощник стерильно улыбнулся, показал рукой на красную дорожку, ведущую к столу.

Елена думала, что Андриевский начнет балагурить, как обычно, но лицо его в этом кабинете было вежливым и непроницаемым. «Все они тут играют Феликсов Эдмундовичей, - усмехнулась она про себя. – Даже и в отсутствие памятника». Впрочем, так было удобнее. После шуток то, что она собиралась рассказать, выглядело бы еще нелепей...

- И что вы от меня хотите? – спросил он, когда она замолчала, сказав последние слова (об адвокате).

- Я плохо знаю законы, - она кашлянула. – Это нормально – так агрессивно вести человека, даже не поговорив с ним?

- Стоп-стоп-стоп, - он предостерегающе поднял руку. – Давайте все-таки отделим... мух от котлет. Ограбление номера в гостинице и вашего дома не может быть действиями милиции. Вы ведь подали заявление?

- Да.

- Значит, этим занимаются и, надеюсь, все выяснят.

- Мне кажется, связь есть...

- Это не может быть действиями милиции, - повторил он. Елена поняла, что спорить бесполезно.

- Далее... - он глянул на наручные часы, поправил ремешок. – Милиция может проводить любые следственные действия, включая допросы ваших родственников и сослуживцев, может также следить за вами, если на это есть серьезные основания.

- А если нет?

- Это детский разговор, - мягко сказал он.

- Детский? Я, конечно, польщена таким вниманием к моей скромной персоне, но у меня мурашки по спине при мысли о том, что какой-то малозначащий разговор может привести к таким последствиям. Мне неуютно жить при мысли об этом.

- При мысли о чем?

- Я уже объяснила...

Андриевский внимательно посмотрел на нее, видимо, понял, насколько раздраженной стала она после его нотаций, еле заметно улыбнулся.

- А давайте поговорим откровенно! – вдруг предложил он дружеским тоном.

Елена пожала плечами.

- Откровенно? Я хочу, чтобы милиция спросила у меня напрямик, что они ищут. Может, я сберегу их силы и государственные средства? Для этого я и пришла к вам... А так мне больше нечего сказать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.